

Сергей Данилов

Угол отражения

Сборник рассказов и пьесок

1. Валерьяновый человечек - 2
2. Лёгкий флёр - 14
3. Дядюшка Жо и его Брут - 25
4. Проба пера - 37
5. Угол отражения - 40
6. Ралли - 50
7. Филателист - 61
8. Иван да Майя - 81
9. Аквариум - 84

ВАЛЕРЬЯНОВЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Немигающие, огромные, жёлто-зелёные глаза прямо перед лицом, от них некуда деться.

Такой сон в детстве снился не раз и не два.

Родители легко объяснили причину, оказалось, когда был Тёма ещё совсем маленьким, повадилась кошка Мурка в детской кроватке отдыхать, на груди спящего младенца: её уберут, она обратно запрыгнет – натурально с ума свихнулась. Устроится на спящем, лапки под себя подожмёт, и сидит, в лицо смотрит, не шелохнётся.

– Это она за дыханием следила, принимая нос за мышинные норки, мышку караулила, – высказывала предположение мама, желаящая всё всегда объяснить до конца.

– Не знаю, что думала своей кошачьей головой, а делать ей в детской кроватке нечего», – довольно хмуро комментировал отец.

Мать рассказала и про то, как однажды в раннее воскресное утро отец взял да отвёз не поддававшуюся никаким увещаниям Мурку на трамвае до конечной остановки, выпустил гулять в пригородной лесопарковой зоне, а сам вернулся обратно на том же трамвае.

Мурки не было два дня, на третий объявилась – нашла кошачьим чутьём дорогу и прямым ходом – в Артёмкину кроватку.

Тут за дело пришлось взяться ей самой. Усадила любимицу в корзину и отвезла на автобусе в деревню, где отдала кому-то делом заниматься – мышей ловить. Из деревни Мурка не вернулась: слишком далеко, а скорее всего, понравилось ей жить на новом месте.

Кошку Мурку Артём со временем забыл совершенно, только близкие жёлто-зелёные глаза, выпуклые, словно бы стеклянные в своей глубокой прозрачности, врезались в память отдельно, сами по себе, знаком непонятной угрозы.

Висели, к примеру, в доме над столом часы-ходики с небольшим маятником, гирьками, нарисованной на циферблате кошачьей мордочкой, вполне симпатичной и вырезанными на месте глаз отверстиями. Когда маятник качался туда-сюда, с такой же скоростью глаза мелькали в этих отверстиях туда-сюда, туда-сюда.

Загляделся на часы четырёхлетний Артём, долго – долго смотрел да вдруг как заревёт! Пришлось родителям убрать и ходики с мордочкой. Данный факт собственной биографии зафиксирован уже без подсказок старших, вызывая лёгкое подобие стыда: как-никак мужчина, реветь которому в любом возрасте не полагается.

Других проблем до школы не возникало. Просто не держали дома ни кошек, ни собак.

Позднее, когда появились школьные друзья, выяснился неожиданный феномен: стоило ему прийти в гости к однокласснику, в квартире которого имелась кошка, та немедленно, прямо с порога начинала ластиться к Артёму,

тереться спиной, впрыгивать на колени, в глаза заглядывать, мурлыкая и сколько не отпихивай исподтишка, не отталкивай, не давай щелчков по носу, ничего не помогает: лезет и лезет, будто валерьянки обнюхалась или от него запах валериановый чует и потому явно не в своей тарелке.

Если к знакомым или родне на праздник всем семейством идут, та же история: мигом дуреет кот и давай о его праздничные брюки со стрелками бока чесать, шерсть линючую обтирать. Хоть не ходи в кошачьи дома, весь с головы до пят будешь в шерсти да волосах.

Люди, чьи домашние питомцы выказывали Артему искреннее расположение, видя такое дело, с радостной улыбкой торопились сообщить, что их кошка всегда узнаёт хорошего человека, к плохому ни за что не идёт, мол, кошка такая у них мудрая.

Встречались иногда на жизненном пути Артёма Евгеньевича граждане, к которым тоже коты лезли напролом, как к нему, но те – ничего, даже откровенно радовались этому обстоятельству, играли с ними, оказывали встречную любовь, ничуть не тяготясь привязанностью постороннего домашнего животного. А у Евгеньевича с детства в мозговых извилинах застряли неподвижные глаза Мурки, потом вовсе аллергия разыгралась. Задыхается от одного запаха. Нет, не любит Артём в кошачьем обществе находиться. Дурно ему: в носу чешется, горло першит, будто красного перца подсыпали, глаза слезятся, чихать начинает. Никакие лекарства не помогают.

Жениться со своей кошачьей аллергией Артём Евгеньевич долго не мог.

Впрочем, начало было, как всегда, чудесным. Встречались они с Любашей почти ежедневно недель семь, не меньше. Очень девушка Артёму нравилась. Каждый вечер то в кино идут, то в театр, а потом её домой провожает пешком, разговаривая обо всём на свете, и таким сладким был поцелуй при расставании, что голова кружилась оставшуюся часть ночь медленно и плавно. Очень-очень приятно. Утром встанет, а пол ровно палуба в кругосветке так и плывёт под ногами от непрекращающегося радостного кружения.

И вот пригласила Любаша молодого человека к себе домой, Как полагается, с родителями знакомиться. А он про себя решил сразу прийти с цветами, дорогими подарками для всех членов семейства – просить руки и сердца. Пора жениться, чувствует, что пора. «Сделаю предложение», – решил серьёзно.

Донельзя счастливый, наглаженный, надушенный, с новым платочком в кармане нового костюма, направился в гости к любимой девушке, как самый настоящий жених. Нравится ему Любаша настолько сильно, что невозможным казалось более выдержать отдельное существование, смерти подобно самой страшной любое промедление в этом вопросе, словно сжигание на медленном огне заживо.

Летит в гости Артём, себя не помня от радости, от восхищения, от предчувствия невиданного в мире счастья быть вместе всегда.

А там ждут его давно, двери раньше звонка распахнулись, вот и маменька будущая приглашает заходить, чувствовать себя как дома, потому что «у нас все свои сегодня» (имеется в виду, что и он тоже свой, самый свой среди своих). Папенька в необъятных брюках на широких подтяжках, праздничной белой рубахе расплылся в улыбке, того и гляди нижняя половина головы отвалится, младший братец конечно выдал: «Тили-тили-тесто, жених и невеста!», явно в кармане кнопки прячет, двоечник, на стул жениху подкладывать собрался, да это всё ерунда, сами с усами, знаем ваши фокусы. Хлоп его по карману, ась? Колюче, брат? Ничего, до свадьбы заживёт!

Началась самая настоящая общесемейная радость: от одного только вида дорогого гостя у присутствующих на лицах проступило горячее воодушевление, наперебой торопятся выказать ему расположение. Даже уколотый собственными кнопками братец Любаши, и тот, тащит альбом показывать, какой замечательный фрегат он нарисовал: «Хотите, подарю?». Дедушка рассказывает смешную историю про чай во фронтовом блиндаже из трофейного самовара с немецким эрзац-мёдом вприкуску из-за которого здорово угорели: комбат скончался на месте, их откачали. «Эй, раз праздник сегодня у нас большой, тащите трофейный самовар на стол, я его мигом раскочегарю, мёд подавайте тоже! Не бойся, молодой человек, а Артём... не бойся Артёмка, мёд свой, натуральный, развёл пасеку на пять ульев. Свой медок, немного, а есть, главное – настоящий. Настоящего много не бывает, это у них много эрзацев всяких навывдумывали, а у нас своё – натуральное».

Папахен свойски хлопнул по плечу: «Люблю интеллигентных людей, какой вуз окончили?»

А меж ног честной компании волчком крутится кот белой масти, шустро обо всех трётся, аж искры летят, электризует, стало быть, семейство дополнительной энергией, заражает флюидами кошачьими, отчего семейство прямо кругами вокруг Евгеньевича ходит, то направо, то налево, хором что-то рассказывают, гладят, обнимают, берегут.

Понял Артём: кот их завёл на радость особенную, он организатор и вдохновитель честной компании, вроде и повадки у членов благородного семейства сделались кошачьими, взгляды вмиг пожелтели, зрачки поперёк, у мальчика с альбомом и кнопками особенно. У дедушки, у мамы-папы и даже Любаши одна история.

Тошно сделалось Артёму, оборвалось внутри счастье, рухнуло в тартарары: сухо запершило горло, в носу зачесалось, засвербило, чихнул раз – другой, ну, всё, сейчас расчихается, потом глотка распухнет, как бывало не раз и не два, тело обездвижится, и сможет он только лежать тихо-тихо, а больше ничего. Лежать не шевелясь пластом, глядеть в потолок, а воздух через малюсенькую дырочку в распухшем горле будет поступать слабой струйкой, еле-еле поддерживая жизнь. Чёртовы кошары! Бежать надо. Драпать, пока не поздно!

– Посмотрите, как Василий гостю-то рад, – воскликнула мамахен, – он только к хорошим людям так ластится, ой, смотрите, даже на руки просится.

Вы не стесняйтесь, берите, мы ему в ванной лапки с мылом моем после каждой прогулки.

С каменным выражением Артём взял кота на руки, погладил, кот захрипел от счастья. Будущая родня хором завопила, полезла гладить розовый живот руководителя торжества, раскинувшегося на руках Артёма.

– Фон-барон пятнадцатый! – воскликнул папахен, – посмотрите какая роскошная шуба, мы его на выставку носили, честное слово!

Меж тем всё окружающее, включая Любашу, сделалось Артёму не в радость, будто не свадьбу он затевает, а скандальный развод через суд с делёжкой пяти стульев, шифоньера, дивана и двоих разнополых детей. Улыбка приобрела характер явной фальшивки, с такими улыбочками провинциалы столичных невест на абордаж берут, разительно изменился молодой человек – родители даже переглянулись между собой, подумали: что-то здесь не чисто.

Прошёл в комнату, куда приглашали наперебой, только зачем? Ни к чему уже всё, ни к чему. Встал, будто кол проглотил, и морщится-то, и принюхивается, и мнётся, кота-старейшину погладить по-настоящему, с любовью да воодушевлением не подумал даже, с рук опустил, точно сбросил, по брюкам колотит изо всех сил, совершенно невпопад на расспросы отвечает, так что Любаше даже неловко сделалось перед родителями. В конце концов, уселся-таки на кнопку младшего братца-двоечника, после чего уже определённо три литра кислоты на физиономию вылилось.

И всё брючки свои отряхивает от воображаемых шерстинок. Ну, фрукт попался! Где Любаша откопала такую картофелину?

– Да вы не беспокойтесь, – хмыкнула мамахен, – у нас блох нет.

– М-да? – сквозь зубы процедил женишок, окончательно отворотив физиономию от невесты и благожелательно настроенного кота (последнего из семьи несмотря ни на что хранящему к нему самое любовное расположение).

Запрыгнул Василий на колени, хвост задрал прямо в нос Артёма Евгеньевича да принялся от наслаждения лапками перебирать, коготки выпуская, громко-громко мурлыкать.

Гость мигом скинул его небрежно тыльной стороной ладони, будто не заметив, после чего вспомнил, что ему надо срочно куда-то спешить по делам, встал и отправился в прихожую, не отведав чудесного обеда, над которым Любаша с маменькой трудились со вчерашнего вечера, чего только не испекли, не потушили и не нажарили! Впрочем, никто странного ухажёра удерживать даже не думал. Как говорится: была бы честь предложена. Не состоявшаяся невеста проводить не удосужилась: что-то сильно не в порядке оказалось с приглянувшимся, было, человеком. Ну его, пусть бежит куда хочет по своим срочным делам. Обойдёмся.

«Больше сюда ни ногой!», – думал Артём, закрыв дверь, отрезая от себя крепко настоящий кошачий запах, спасаясь от близкого приступа. И точно, ни ногой. Так вот отношения с Любашей и окончились нечем к всеобщему разочарованию: даже на улице перестали встречаться и

совместные походы во все места культурного досуга сами собой прекратились.

И надо сказать, в последующем не раз и не два подобная закавыка случалась, разумеется, с небольшими вариациями, он даже призадумываться начал: что за напасть?

Действительно, годы-то идут. Ну ладно, кошки к нему с детства льнут, это можно, наверное, даже с научной точки зрения как-нибудь объяснить, пахнет, к примеру, от него чем-то сродни валерьянке. Человеку не слышно, а чуткие кошки реагируют и сходят с ума от любви. Бог с ними.

Понятно так же почему ему кошки неприятны – напугала в раннем детстве Мурка, чуть не приспала, зараза, младенца.

Но почему, скажите на милость, при всём при том, ему всякий раз нравятся девушки – любительницы кошек? Совершенно поразительный феномен. Хоть бы раз на собачницу запал! Или просто без животных чтобы девушка жила дома – вот бы здорово! Не случилось таковых в истории его жизни. Не попадались. Не влюблялся. Себя ведь тоже не заставишь. Втюрится в очередную кошатницу, потом начинаются разборки, а за любимую кошку девушка кавалеру глаза в два счёта выцарапает.

Неужели кошары ухитряются настраивать своих домашних девушек влюбить в себя валерианового человечка, привести, заполучить для кошачьего счастья? Неужели кошки правят их человеческой жизнью? Нет, лучше холостым остаться, нежели угодить в кошачью семейку.

С подобными размышлениями и аллергией, действительно, приходилось жить ему безотрадно холостякуя, хотя по природе был Артём человеком общительным и даже влюбчивым, то есть к девушкам весьма предрасположен, чего ни коим образом от них не скрывал.

И вот лет этак в тридцать с гаком влюбился настолько умопомрачительно, что презрел наличие у дамы сердца кошки (куда без них, сволочей?) да не одной, а сразу двух сиамских котов, по всем нынешним канонам моды кастрированных во младенчестве.

Представляете силу зрелого чувства? Любимой женщине, ради которой Евгений смог пересилить болезнь и отринуть глупые подозрения о всемирном кошачьем заговоре, было тоже слегка за тридцать, замуж сходилась и ребёнок есть, потому, как не уговаривал к нему переехать, ни в какую не согласилась, дескать, с ребёнком неудобно приличной женщине к мужчине жить идти, что люди скажут? Пусть лучше мужчина к ним в семью вольётся, ему терять всё равно уже нечего. Пришлось Артёму Евгеньевичу пойти к сиамским котам примаком. Охота пуще неволи.

Возлюбленная уговорила на сей шаг: «Сиамцы – они же короткошёрстные, практически не линяют» и так загипнотизировала красотой, что точно, находясь у неё в гостях ни разу не испытал приступа, да и коты к нему особенно не лезли, дама их выдрессировала на манер собачек знать своё место.

В один прекрасный день, то была пятница, он запомнил навсегда, после трудового дня перебрался Артём Евгеньевич с вещичками на новое

место жительства. Впереди маяком светили два счастливейших в жизни дня. Регистрироваться пока не стали. Рассудили по-взрослому: попробуем жить вместе, получится, тогда видно будет. Даже знакомым ничего не сказали, никакого свадебного мероприятия не организовали, то есть действовали очень осторожно и он и она: как бы не сглазить.

Близости меж ними до той поры не было. И вот настала первая совместная ночь.

Надо сказать в знакомстве они состояли достаточно продолжительное время, месяца четыре: танцевали в ресторане несколько раз и просто обнимались во время прогулок страстно, то есть давно и сильно желали один другого. Неприлично? Светла, светла с ума женщина холостого мужчину, какие могут быть приличия? Не до приличий, собственно одни неприличия в голове и остались, а больше ничего – шаром покати.

Потому оставшись вечером наедине в комнате, когда ребёнок в другой абсолютно точно уснул, набросились друг на друга со вполне зрелым и выстрадаанным желанием.

Благо все условия для пиршества плоти были приготовлены заботливой женской рукой: кровать двуспальная огромная застелена чистейшим красивым бельем, распахнута и приглашала: сомни меня! к удовольствиям так же призывала интимная полутьма с ночником, на столике пара бокалов с вином, в которых таились огоньки – отсветы того же ночника. Не притронувшись к вину, молча, но чуть не вопя от восхищения Артём разоблачил подругу, отнёс в постель как пушинку, не чувствуя веса и настала-таки пора бурной страсти, несдерживаемая более никакими внешними препонами да условностями.

Которая, однако, продолжалась весьма недолго. Случилось тут нечто, от чего Артём Евгеньевич сбежал от подзаконной невесты, френд-вумен по нашему, не дотянув до рассвета. Практически в начале ночи. Как не упрашивала любимая женщина подождать хоть чуть-чуть, побыть с ней, ну полежать просто так, обнявшись, или пойти на кухню, посидеть, попить вина, да хоть кофе с тортом. Нет, драпанул согласно печальному правилу своему и отсюда: не до жиру, быть бы живу.

Произошло неопишное никакими школьными учебниками зоологии событие, потому оказались они к нему не готовыми. Во время человеческого любовного экстаза пришли сиамские коты-кастраты в жуткое волнение, забыли курс хозяйской дрессировки, ворвались откуда-то в спальню да принялись носиться друг за другом по всевозможным траекториям, включая потолочные, прыгать на кровать к молодожёнам, осатанело разрывая когтями чистейшее приятно пахнущее бельё, кидаться на стены, полосую обои на ленты, биться о мебель ракетами, опрокидывать цветочные горшки, словно мстя за отнятую у них навсегда возможность любить и быть любимыми, что возложена на кошачью братию природой даже в большей степени, чем на человеческую.

Сделалась комната ареной сражения одичавших, буйно-помешанных животных.

Женщина не обращала внимания на их происки, ей было не до того.

Новоявленный полумуж-полулюбовник ощутил вперёд злую тоску – предвестницу приступа, задышал тяжело, хрипло, с посвистом, чувствуя как сужается глотка, быстренько собрался и утёк к себе домой подобру по здорову, как ни взывала к нему, вытирая слёзы, несчастная женщина остаться, не уходить, не оставлять её одну в трагический момент.

Драпанул самым подлым образом. Невозможно стать брачным человеком при подобном жизненном раскладе, не-воз-мож-но.

Подруга звонила и приходила к нему ещё пару раз, уговаривала вернуться, предлагала запирать котов на ночь на кухне (а чай где пить?) тогда в ванной, но и ванная местами нужна бывает по ночам, ладно-ладно, тогда вызовет мастера и тот поставит в дверь спальни замок.

Артём Евгеньевич прекрасно понимал, что из этого ровным счётом ничего не выйдет, обязательно кошачья война ночная случится снова: ворвутся сиаменцы, устроят погром где им заблагорассудится и обязательно погибнут в огне этой войны и ванная и кухня и комната ребёнка, как погибла прошлый раз спальня. Перейти жить к нему без котов она не могла – это ясно было по лицу, в связи с чем не стал даже предлагать нарушить жизненную аксиому. В свою очередь бессмысленно рассказывать свою историю, объяснять, что не случайно коты взбесились при его появлении на её ложе, в виду полной бесперспективности дальнейшей совместной жизни.

Если разбирать семейную ситуацию по аналогии с шахматной, то согласно силе фигур, женщине её кошка дороже половинки мужчины, а две кошки значат более, чем муж. Отсюда следует: просить выкинуть котов бесполезно. Ради ребёнка ещё может пойти на преступление, для мужа – нет. Но и муж ради жены, сколько бы пустоты у него в голове не было, не будет терпеть неистовых ночных кошачьих плясок, коли наградил бог слабым здоровьем. Значит, разошлись пути-дороги, остался Евгеньевич старым холостяком, как говорится, при собственных интересах: своей нелюбви к кошкам за их шерсть, и их любви к нему неизвестно за что.

Жил себе – поживал в двухкомнатной квартире, добра наживал и попросился к нему однажды на время сослуживец и хороший приятель Вадим Степанович, перебиться месячишко-другой, переждать семейный разлад, так сказать конфликтную ситуацию избыть в нейтральных условиях.

Артём ситуацию понял, даже не спросил в чём сыр-бор: живи раз надо.

Однажды приходит домой и чего-то сразу на пороге повёл носом, про себя думая, что ровно Кощей Бессмертный принохивается: чей это дух такой противный завёлся в жилище? А оно вот, прямо у порога ползает, возле тарелки с молоком лужу сделало.

– Да ты с ума сошёл, не иначе! – вскричал Артём на приятеля, который с половой тряпкой уже вокруг лужи трётся. – Или не знаешь, что я их брата на дух не выношу, или не рассказывал тебе сто раз про жизнь свою, несчастную?

– Ты главное не расстраивайся, – отвечает приятель, – специально его принёс вылечить тебя гомеопатическим методом. Смотри, какой он ещё

маленький, ну какой от него запах? Никакого запаха пока нет, ты к нему привыкнешь, потом он будет расти помаленьку, доза увеличиваться, привыкание тоже. Так излечишься от аллергии, клин клином вышибают – старое проверенное средство.

Однако Евгенийевич, не веря в гомеопатию, срочно зажал нос, пока не началось. Загнул:

– Уноси своё лекарство, откуда принёс, чтобы духу его здесь не было. Квартиру мне провоняешь, где я жить стану?

– Да куда понесу, на ночь глядя?

– Где взял туда и верни.

Приятель вздохнул, тряпку в ведре прополоскал сокрушенно.

– Честно говоря, на улице подобрал. Иду – пищит, жалко стало, я же не изверг, не могу оставить беспомощное существо валяться в грязи, человек всё-таки, не скотина бессовестная, как некоторые, не будем пальцами указывать. Неужели обратно отнести прикажешь и в грязь положить?

– Да хоть домой к себе отнеси.

– У нас собака живёт и жена злая.

– Тогда уноси куда хочешь.

Унёс приятель котёнка в свою комнату вместе с молоком. Дверь закрыл, чтобы никого не раздражать. Играя с ним на диване, где котёнок сделал лужу.

Пока на работе были, котёнок тихонько пачкал плитуса, стараясь делать это в укромных уголках, за мебелью, где никто не увидит и не накажет, в результате запах установился в приятельской комнате известного рода, который тот, почему-то никак унюхать не мог и прекрасно прожил с котёнком ровно месяц, ни сам с Артёмом не разговаривал, ни хозяин с ним.

Ушёл знакомый-квартирант тихо, деньги зачем-то оставил за проживание, хотя никакого разговора о деньгах не было и котёнка забрал, но Артём его здорово материл, когда в поисках причины своего удушья отодвинул мебель и начал отмывать со стиральным порошком многочисленные засохшие разводья на плитусах за диваном и стенкой. Диван с паласом выкинул.

Самое плохое – отношение в коллективе сильно изменилось в худшую сторону. Смотреть сослуживцы стали искоса, как на изверга и ненавистника братьев наших меньших, а также женщин и детей, потому не женится – живёт бобылём и анахоретом, никого к себе близко не подпускает, только за месячную плату. Действительно, что за человек, если несчастного бесприютного котёнка на ночь глядя требует немедленно из дома вон выкинуть? Бессовестная личность одним словом, дрянь совершеннейшая Артём Евгенийевич оказался, а не коллега.

С Вадимом они еще в бытность его квартирантом перестали за руку здороваться, а тут и прочая часть мужского коллектива при встречах начала ладони в карманах прятать.

Всем известна прописная истина: сегодня он котёнка вышвырнул, завтра собаку утопит, а послезавтра бабушку за двадцать копеек топором

зарубит, история классическая, многократно описанная русскими и иностранными гениями.

Женщины, впрочем, по своей природной мягкости целую неделю пытались исправить его, проводя назидательные беседы, что приличные люди, достойные звания сотрудника их замечательного коллектива, никогда братьев наших меньших не бьют по голове. И напрасно Артём пытался уверять, что по голове он никого бить не собирается, напротив целый месяц терпел беспредел, потом отмывал квартиру, чуть не при этом сдох – бесполезно.

Сытый голодного не разумеет. Со временем и женщины оставили попытки направить природного изверга на путь истинный, как водится, обратились за помощью к начальству.

Понёс однажды Евгеньевич бумаги на подпись к директрисе, отстоял, как полагается, очередь на приём, вошёл, кипу вручил, ждёт. Даже садиться на стульчик не стал, с ноги на ногу переминается: очень срочные бумаги, в том числе на матпомощь отпускникам, которым лететь отдыхать надо, а касса вот-вот закроется.

– Вы присаживайтесь, присаживайтесь, – говорит директриса, не спеша подписывать, и глядя на него задумчиво. – У вас, я слышала, кошки дома нет. А у меня как раз родилось семь штук крестников, пятерых разобрали, парочка осталась. Не возьмёте одного?

Взяла ручку, и не подписывает, ждёт ответа.

– У меня аллергия на кошек, – как бы извиняясь, признался в грехе Артём, – про то все знают, хоть у кого спросите.

– Ни за что не поверю, – произнесла начальница твёрдо, – вы только посмотрите на них, аллергию как рукой снимет. Какие милые, да же? Возьмите вот эту кошечку, возьмите, не бойтесь, такая, знаете, хорошенькая, такая забавная, ну просто прелесть. Аллергию свою лечить надо в больнице.

– Я лечил..... неоднократно даже. Не помогает.

– Плохо лечили. Врача смените.

– У разных врачей перебивал, чего только со мной не делали, и уколы и таблетки – ничего не помогает.

– Если настоящего специалиста найдёте – обязательно поможет. Берёте крестников?

Котята сидели в старой дамской шляпке бордового цвета. Теперь она его два часа будет мурыжить-прессовать, отпускники пролетят с деньгами, разозлятся на него, коллектив вообще перестанет разговаривать. Конфликт перейдёт в неуправляемую фазу, придётся увольняться, всё к тому движется.

– Хорошо, беру, – Евгеньевич отворотил нос в сторону, дабы не чувствовать животного запаха.

– Если обоих возьмёте, прямо со шляпкой отдам.

– Спасибо, возьму обоих, у меня знакомые недавно спрашивали.

– Ну и отлично, я знала, что вы, Артём Евгеньевич, прекрасный человек и хороший товарищ, напрасно про вас гнусные слухи распускают. Любите животных, молодец.

Немедленно расписалась в бумагах, торжественно вручила фетровую линялую шляпку и вон выпроводила с иронической улыбкой.

Коллеги мигом сбежались в их рабочую комнату, принялись заглядывать в шляпку, живо интересоваться: зачем он с аллергией такой страшной набрал себе столько котят? Зато отпускники получили в кассе деньги и улетели отдыхать довольные.

«Я их знакомым подарю, – отвечал Артём несколько затравленно, – у меня знакомые в деревне живут, им кошки нужны. Крысы измучили». И все видели – врёт, нет у него никаких таких добрых знакомых в деревне.

После работы принялся ходить по домам, предлагать всем подряд распрекрасных котят совершенно бесплатно. Никто не брал, даже смотреть не желали. Артёму очень не хотелось нести шляпку домой, где прошлый запашок не выветрился до конца, а куда деваться? Никто не берёт. Ходил до позднего-позднего вечера, стыдно сказать, предлагал забрать даже с его приплатой. Коммерция не удалась.

Затемно, еле живым добрёл к своему подъезду, сел на лавочке. Подниматься к себе не хотелось. Пойти забросить куда-нибудь в овраг, что ли? Уже темно, ни черта не видно. Или предварительно утопить в ведре, чтобы не мучились? Или увезти в лесополосу и оставить там, как отец Мурку, эти-то не прибегут обратно. Да, вот именно, не прибегут. Зато директриса начнёт каждый день интересоваться, как поживают крестники. Ещё вздумает поехать проведать, с неё станется, бензин-то казённый.

Рядом на лавочку опустилась женщина.

Отвергнув идеи про овраг, ведро и даже лесополосу, не глядя в её сторону, Артём автоматически поинтересовался: «Гражданка, вам котёночка не нужно? Может, парочку возьмёте?»

Та даже не сочла нужным ответить: «Ну и чёрт с тобой, бессердечная ты баба».

Или всё-таки съездить в деревню, всучить кому за деньги, договориться, чтобы не девали никуда, по крайней мере, первое время, а то и в деревню директриса может катануть запросто? Нет, никуда не поеду, устал, сил нет жить, того и гляди приступ сейчас начнётся. Залезу лучше на крышу дома и швырну их оттуда. А следом сам прыгну, предварительно натянув шляпку директрисы по самые уши, чтобы не свалилась при падении, пусть потом с милицией разбираются, объяснительные в прокуратуру пишут, собаки такие.

Да-да! Пусть объяснит директорша, откуда её женская шляпка взялась на голове погибшего подчинённого. Вызовут в милицию, как Евгеньевича прошлый раз в ОБЭП, допросят серьёзно, с пристрастием! Он ни в чём виноват не был, а и то испугался, когда совсем ещё молодой следователь начал допрашивать, почему некто Фоярский прописан в его квартире? Никакого Фоярского Артём Евгеньевич сроду не знал и не видел никогда... Так откуда, всё-таки? Спрашивает зло, не мигая, как в гестапо, аж кровь в жилах стынет. Вы спросите паспортистку нашей жилконторы, она пропиской ведаёт, а он в квартире один-одинёшенек... Значит, говорите, не

знаете? Ох, страшно валериановому человечку в кабинете, будто с жизнью досрочно прощается.

И не зря, надо сказать, переживал, в том самом ОБЭПе, вон как золотопромышленника допрашивали, что умер прямо на стуле от множественных переломов, после чего сбросили хитрые милиционеры предпринимателя со второго этажа, дабы камера на выходе не зафиксировала вынос тела, отвезли, в лесу прикопали. А тоже ни в чём виноват не был. Пусть и директрису там допросят, откуда на голове погибшего, дескать, взялась ваша бордовая шляпка? А Степаныча пусть прокурор города в оборот возьмёт, как он целый месяц над ним издевался со своим котёнком, рискуя его, Евгеньевича жизнью ежесекундно. Прокурор вон самого мэра города арестовал за взятку, не побоялся, храбрый человек, честный, принципиальный. Взяли мэра за белые руки, а у того в кармане триста тысяч. Откуда у вас триста тысяч в кармане? Мэр страшно удивился: «Я же мэр – вскричал, – у меня зарплата в месяц восемьдесят тысяч, как мне в кармане трёхсот тысяч не иметь?». И точно, кинулись смотреть – восемьдесят тысяч зарплата, но с карточки за пять лет ту зарплату ни разу не снимал! Шестьдесят объектов недвижимости в городе мэр имеет, целые собственные рынки и супермаркеты, а прокурор не побоялся... сначала. Потом срочно в другой город его перевели, за себя не боится, но за семью переживает, так прямо в телевизор и сказал. А мэр за четыре миллиона через Европейский суд освободился, ибо камера на двоих с телевизором всё же не соответствует высочайшим евростандартам, ходит нынче по городу: руки – в брюки, как ни в чём не бывало. Нет, лучше пусть Степаныча тоже ОБЭП допросит слегка, не до смерти, но чтобы понял хорошенько, как больно жить простому валериановому человечку на белом свете...

Дурно ему, очень дурно. Сбежать куда-нибудь от всего, найти другое место бытия, где нет ни сослуживцев – защитников животных, ни хитрой директрисы, ни Мурки с глазами, ни прочих Васек, ни дамской фетровой шляпки рядышком на скамейке, ни запаха в собственной квартире, до сих пор никаким стиральным порошком не выводящимся.

Кивнул Евгеньевич головой раз, кивнул другой и... заснул прямо на лавочке, забыв о мучительной действительности, перейдя в другую реальность, пусть и мнимую, но в данный момент спасительную, где ничего вышеперечисленного нет в помине и можно, наконец, вдохнуть полной грудью свежий чистый воздух.

Оказалась кругом не тьма, но светлый день, встал Артём с лавочки, поднялся к себе в квартиру, там тоже светло, чисто и даже как-то празднично в том смысле, что на работу не надо идти, вроде бы выходной сегодня и ни забот никаких нет, ни тревог. Пребывая в радостном, приподнятом настроении взял с полки любимую книгу, сел в кресло, начал читать, быстро погружаясь в ещё более интересную радостную жизнь, которая захватила его в ласковые объятия и унесла прочь от дурного очень далеко. Не столько читает, сколько в памяти сами собой вспыхивают дорогие сердцу картины,

разворачивается действие, скользнул от страницы взгляд в сторону, улыбнулся Артём Евгеньевич под стул неведомо кому.

Стойте, стойте, что значит «улыбнулся под стул», а тем более «неведомо кому»? Глупо улыбаться под стул, разве будет нормальный ответственный человек улыбаться под стул даже пребывая во сне? И кому можно улыбаться под стул? И зачем?

Задав себе все эти вопросы, Евгеньевич уже внимательно глянул под стул, с изумлением замечая, что оттуда кошачьи глаза на него уставились. Кошка чужая в квартире среди бела дня объявилась, что за чудеса в решетке?

Отложил книгу, встал, подошёл – сидит, не убегает, взял остороженько за шиворот, приподнял, решил на площадку из квартиры вынести. Ничего, спокойно висит котёночком, которого мамаша тащит, не царапается. Только смотрит Артём, бог ты мой, в другом-то углу целых две кошки наблюдают за процедурой эвакуации. Сделалось не по себе, как бы в предчувствии беды, коей пока нет, но шестое чувство шепчет, что катастрофы никак не избежать.

Волосы на затылке встали, а по всему вмиг замёрзшему телу мурашки завихрились.

Откуда? Дверь заперта, сам закрывал, окна тоже. Застыл на месте с кошкой в руке, обернуться страшно, что на диване делается? Наверняка странные, невесть откуда взявшиеся кошки прохлаждаются, глядя на него муркиными выпученными глазами.

Оборачиваться не стал, удержался, неторопливым шагом дошёл до двери, с насильственной прохладцей рассуждая: «сейчас эту выкину на площадку, за теми вернусь».

Открыл дверь, а там, представьте себе – целая кошачья толпа его дожидается на площадке, морды, морды – десятки, а может и сотни пар глаз уставились, будто ждали мгновения, когда дверь раскроется. Не успел ничего сообразить, влился кошачий поток в квартиру весенней игривой рекой, в половодье прорвавшей плотину, затопив комнаты. На столы вскочили, на стулья, со шкафов глазастые, усатые головёнки торчат, мяукают противными голосами, диван сплошь шерстью разномастной шевелится, иные так громко вопят, будто март наступил. Выгонять бесполезно, самому бы куда скорее убежать – опять горло перехватило, дыхнуть нечем.

Кинулся вниз по лестнице, запруженной потоком идущих наверх кошек. Плотно движутся черти: спина к спине, нога к ноге. Глядят горящими глазами на распахнутую дверь квартиры, словно в землю обетованную прут, за спасением души.

Но ведь не привечал он их, не подкармливал, как пожилые одинокие пенсионерки, которым не за кем ухаживать. Не выносил блюдец с молоком вниз в подъезд, на что другие жильцы только ругаются и блюдечки на улицу вышвыривают – «там кормите своих кошар, весь подъезд провонял кошачьим дерьмом». Представить страшно, как на него теперь соседи рассердятся, что он столько кошек в квартире завёл: сотни, сотни, пройти

негде, да что пройти, ногу поставить некуда, так и нороят о колено потеревшись, на плечо прыгнуть. Вот, пожалуйста, запрыгнули. Перехватило горло, качнулся Евгеньевич теряя силы, захрипел, понимая, что не выбраться на этот раз из кошачьего плена, сейчас рухнет на ступени и придёт ему скорый конец прямо на лестнице.

Очнулся от дурного сна, когда сидевшая рядом и прежде не пожелавшая ответить на просьбу взять котят женщина, вдруг тронула его руку. Выскочил, вынырнул из потопа, не задохнулся, слава те господи!

Соседка продолжала сильно сжимать локоть.

– Артём, идём домой. Я сиамцев своих... сегодня... усыпила в ветлечебнице.

Порылась в сумочке, будто собираясь предъявить справку, что сиамские коты действительно уничтожены, и, стало быть, путь к семейному счастью свободен, но достала лишь скомканный платочек, тотчас горько в него всхлипнула, как дочь на похоронах матери от неожиданного воспоминания нанесённой родительнице обиды, за которую не попросила вовремя прощения, а нынче сделалось навсегда и непоправимо поздно.

Узнав любимую, Артём Евгеньевич замялся, не находя слов утешения в горе, причиной которой был он сам. Посидел-посидел, достал фетровую дамскую шляпку, осторожно возложил ей на колени драгоценным подарочным набором:

– Не плачь, ради бога, возьми вот кошечек... тоже, знаешь, очень-очень симпатичные.

ЛЁГКИЙ ФЛЁР

На совещании Жанна присутствовала вместо начальника отдела, который находился в отпуске перед выходом на пенсию. Менее чем через месяц ей предстояло занять его место.

С собой прихватила главного специалиста Андрея Николаевича Феофанова, сорокалетнего, импозантного мужчину с ранней сединой на висках, которого наметила в замы и уже согласовала кандидатуру с начальством.

Феофанов сидел рядом, входя в новую роль, серьезный и очень деловитый. Он не позволил себе даже слегка улыбнуться, когда директор департамента говорил лестные слова о деятельности их отдела, понимая, что

похвала целиком и полностью относится даже не к нынешнему начальству, дни которого сочтены, а умнице Жанне, у которой, к тому же, наверху, много выше директорской головы имеется своя руководящая рука.

В кармане пиджака Жанны завибрировал телефон. Отклонившись на спинку стула, она мимолетным движением достала мобильник, открыла и тотчас закрыв, столь же незаметно вернула на место.

Феофанову ничего не стоило на долю секунды моргнуть глазами вниз, прочесть фамилию автора сообщения «Платонов», и яркий голубоватый текст: «Люблю безумно», возвратит взор к раскрытому блокноту. Рука машинально подчеркнула дату выставки, на которой собирался делать экспозицию их департамент. Выражение лица при этом никак не изменилось, но мысли потекли в ином направлении.

«Ни черта себе, – удивился Андрей Николаевич. – В рабочее время эти вещи вытворяет! Совсем рехнулся!».

Консультант Платонов служил в их департаменте, но другом отделе. Являлся до поры до времени человеком ничем не примечательным, пока не развёлся с женой. Следом за данным третьеразрядным событием по кабинетам прокатился слух, что совершил этот нелогичный поступок наш консультант из-за Жанны. Ответный слух, пронёсшийся девятым валом в ином направлении, сообщал коллегам, что молчальник Платонов в ответ на свою дерзость не получил ни руки ни сердца, оставшись у разбитого корыта – и без жены и без Жанны, проживает на съёмной квартире и по всем статьям проходит ныне дурачиной и простофилей.

«Вот рассердится Жанночка, что от работы её отвлекают, – желчно размышлял Феофанов, – капнет на Платонова бывшему мужу, под которым их департамент процветает, и превратят Платонова в пыль под плинтусом. Ишь, любовник мне тут выискался!»

Андрей Николаевич перевёл дыхание, слегка вспотев от неприятной мысли, что, оказывается, не он один такой храбрый из окружения Жанночки. Тишайший консультант Платонов чёрте что даже днем себе позволяет. А ночью, под действием мужских гормонов, подикась и не то сочиняет! Тем более, оставшись без жены. Нет, большей скотины, чем Платонов, свет не видывал – совершенно точно можно сказать!

Все встали. Феофанов тоже двинулся вон из кабинета директора, восхищаясь совершенной походкой Жанны и упиваясь духами.

Какая грация, какое волшебство! Белая Уитни Хьюстон с мечтательными, устремлёнными в прекрасную даль глазами, большим чувственным ртом ветреницы Монмартра, над бледным лицом которой звездной туманностью носится тот самый, призрачный романтический флёр.

О подобном неизъяснимом женском изяществе мечтается в ранней юности, на заре жизни, но понемногу волшебный образ смывается мутными потоками времени, ибо всем без исключения известно, что чудес в нашем, забытом богом мире не бывает.

С годами портрет запихивается от греха подальше, чтобы не мешал жить нормально. Взамен находится попроще, виденное надясь, буквально

вчера-позавчера, лишь чуть-чуть соответствующее, более или менее, и слава богу, и всё устраивается как надо, в полном примирении с окружающим. Живёт человек довольный ближними своими, любит детей и супругу, производительно работает, культурно отдыхает, как вдруг, нате вам – без предупреждения является она, и уже не из мозговой подкорки, а откуда-то из-за угла. И проходит мимо. Только и останется несчастному вздохнуть, глаза вытаращить, признаться восхищенно: есть всё же! Есть! И пожалеть о невозвратном.

Феофанов горько вздохнул.

Удивительно, что Жанна не певица, не деятельница иного рода искусства – обычная служащая вполне приличного ведомства, женщина-разведёнка, живет одна, воспитывает дочь. Между прочим, большая любительница посидеть в кафе за чашкой капучино без сахара. Естественно, при этом ни конфет, ни пирожных. Шоколад – боже упаси, про мороженое даже вспоминать не стоит. Фрукты, иногда бокал красного вина под хорошую музыку в приятной компании.

Два раза в неделю – аэробика, по субботам – обязательный бассейн.

Многие, узнав про то, думают: «Она не замужем, какое счастье!». Феофанов тоже когда-то подумал. И начал верноподобно служить давней, несбывшейся мечте, возымевшей ныне изящную фигуру, с соответствующим золотому, нет – платиновому сечению размерами талии и бёдер, а главное неизъяснимым флёр, витающим в глазах, звучащим музыкой с губ, сверкающим в каштановых волосах.

Молодые и не очень на то попадают. Холостые, разведённые, женатые, несть им числа.

“Вот сейчас возьму и тоже напишу: Я ВАС ЛЮБЛЮ”, – начал зашкаливать Феофанов.

Сделать это просто, мобильник под рукой, набрать букочки и отправить, испытывая необыкновенный сердечный восторг. А вдруг Жанне надоест подобная наглость в рабочее время? Возьмёт да расскажет мужу со смехом о происках мужского персонала. Тогда всё, извините, карьера закрылась навсегда. Феофанов хмыкнул. Нет, не этого он боится, не мужа. Чихать ему по большому счету на карьеру, трепещет того несчастного дня, когда Жанна одним словом, взглядом даже, вышвырнет из круга доверенных и приближённых лиц. Вот что действительно страшно для сорокалетнего, женатого, семейного человека.

По мнению очень многих людей она – идеал. Женщинам и то нравится в такой степени, что, презрев условности, вынуждены сообщать своё восхищение, подходя на автобусной остановке, извиняясь, смущаясь, как бы не подумали чего, но чувствуя высшую необходимость в таком шаге.

У кого при встрече сердце гулко бьётся, у кого обмирает, у многих вообще падает и разбивается прилюдно на мелкие осколки, после чего начинают они, как Платонов, умные вроде люди, совершать очевидные глупости.

Всем знакомым и сослуживцам отлично известно, что прежний муж пребывающий в высоких чинах, полностью курирует оставленную семью материально, особенно дочь хорошо обеспечивается ежемесячно и на каждый праздник дорогими подарками балует.

Сама Жанна зарплату имеет приличную, в ближайшем будущем станет начальницей отдела, так что на походы в кафе, посиделки с подружками, концерты скрипичной музыки и премьерные спектакли средств достаточно. Ресторанов не любит, в них пахнет коньячно-водочным разгулом, вульгарной продажностью.

Почитателям, в число которых входит Феофанов и даже несчастный Платонов, дозволительно играть роль эскорта при посещениях кафе, если не получится к вечеру чисто женская компания, которая, конечно же, для неё предпочтительней.

В одиночку Жанна не ходит, даже если вдвоем с подружкой собрались, всё равно приглашается сопровождающий мужчина, который в данном случае платит только за себя. Кафе, впрочем, выбираются недорогие, где играет хорошая, негромкая музыка соответствующая её внутреннему настрою. Когда идёт с почитателем вдвоём, тот обязан поддерживать беседу, рассказывая что-нибудь весёлое не очень громко. Сама Жанна просто сидит – пьёт кофе, слушает музыку, мерцает безумно красивыми глазами и наслаждается жизнью.

Никаких танцев, шур-мур. Любой, кто пытается взять за ручку или, не дай бог, приобнять, тотчас удаляется из свиты вон и очень надолго, хотя и не навсегда. Она же понимает, как трудно человеку справиться с неистребимым желанием любить именно её. Эскорту про то известно, считается условием экс-мужа генерала, ссориться с которым никто не хочет, поэтому держаться все в высшей мере прилично.

Впрочем, и без мужа держались бы. Есть у Жанночки её личные знакомые, не знающие про мужа, которым она не сочла нужным сообщить по неизвестным причинам, но тоже приходится им быть как никогда порядочными, от того, что поведение самой Жанны к тому обязывает и принуждает.

Каких бы размеров и стоимости не имел кавалер машину, уезжает она на обычном маршрутном автобусе, эскорту дозволяется лишь проводить даму до остановки, на том его обязанности заканчиваются: «Пока-пока!».

Маленькое исключение для слишком чувствительных, пожилых мужчин: при расставании не запрещено целовать ручку.

Все почему-то становятся нежно-преданными Петрарками, мечтая об очередном походе в кино, и спрашивают её о том молчаливо – посредством смс-сообщений: «Когда позволите сопроводить Вас, о, прелестнейшая Жанна?».

Вот некто Сан Саныч, начальник отдела мэрии, поприветствовав с добрым утром, и пожелав хорошего дня, предложил совершить по окончании оногo дружеский совместный визит в картинную галерею, где организовалась новая экспозиция. Молодой человек по имени Герман позвал

с двумя ошибками правописания на приехавшего нового дирижёра, а сослуживец Фирсов, сидевший в соседней комнате, потев от страха перед женой, работавшей в их же бухгалтерии, быстро тыкая ногтем по клавиатуре, предлагал после работы посетить кафе, где они недавно праздновали всем коллективом праздник 23 февраля.

Дав общий отбой при помощи смс-ки, что сегодня никак не получится, Жанна отчалила в кафе с подружками, прихватив одного Платонова, который смешил женский коллектив грустными прибаутками. Бедный, его жаль. Зачем развёлся, не спросив её перед тем: желает ли она начать с ним совместную жизнь, если запросто сходила в киношку и на выставку западноевропейского искусства, но когда предложил руку и сердце, отказалась двумя словами: «Извините, не могу». И всё.

Между прочим, Платонов не нашёл в себе сил даже обидеться и каждый день выспрашивал, смс-ками естественно, не желает ли милая, добрая, чудесная Жанночка сходить туда-то и туда-то? Жанночка сочувствовала человеку, иногда соглашалась. Но не слишком часто, чтобы не создавать видимость прецедента. Платонов и тем счастлив, что раз в месяц-квартал удастся посидеть как бы вдвоём.

В кафе здорово повеселились, Платонов при расставании был печален как девушка, провожающая друга на фронт, в самое пекло. Жанне от его вида сделалось невыразимо смешно, тем более, что мобильник уже ёрзал в кармане пиджака, от желаний других мужчин излить ей свою душу на сон грядущий.

Поздним вечером мужчины, мучаемые определенного рода чувствами, начинали слать сообщения с предложениями культурно-массового характера, насчёт похода вдвоём в места не очень отдаленные, вызывая на личный разговор. Она, как всегда ответила кратко: извините, у меня другие планы.

Но количество поступающих сообщений растёт независимо от того есть её ответы или нет, всем не ответишь, да им и не нужно, они просто пытаются выразить восхищение. Что можно сказать на это? Ничего. С отключённым звуком мобильник кладётся на прикроватную тумбочку, а Жанна спокойно занимается домашними делами, потом укладывается спать.

Так повелось, что мужчины после двенадцати ночи мечтают о ней много чаще и сильнее, чем днём. В их предложениях потихоньку начинают звучать сексуальные мотивы, темнота вспыхивает голубым светом экрана мобильного, пока голубизна эта не сливается в постоянный свет от многочисленных идущих сообщений любви, радости, что Жанна существует в мире их волнительных желаний.

Приходится подключать телефон к сети, дабы не разрядился, превратившись в ночник. Она отлично знала, о чем пишут поздними вечерами, переходящими в ночь женщинам приличные мужчины, посему не читала на сон грядущий ничего, оберегая свой покой. Только укрывшись одеялом, перед тем как заснуть, смотрела на голубоватый луч, поднимающийся от тумбочки вверх, к потолку, и размышляла с теплотой, что этот свет в её комнате по сути своей есть чувства других к ней... многих-

многих людей, которые её любят... это так приятно. Это материализованное чувство любви. Голубая любовь.

Засыпала с улыбкой. И в час ночи свет горел, а в два, кажется, становился просто раскалённым. После трех начинал моргать, в четыре изредка вспыхивал, что продолжалось до шести часов утра. Кто-то просыпался и спешил засвидетельствовать неизменность своего к ней отношения.

Утром она первым делом лёжа в постели прочитывает все подряд сообщения, как увлекательную ночную поэму в её честь, сложенную многочисленными страстными поклонниками – воздыхателями, которые по нынешним временам не толпятся, слава богу, под балконом с гитарами и мандолинами, мешая спать соседям. Но пытаются соединиться с ней мысленно, пребывая в своих квартирах, частенько лежа рядом с собственными женами, но мечтая о ней, единственной, неповторимой.

Ночные мечтания иного рода, нежели дневные.

Сначала, впрочем, это почти незаметно, всё начинается с чужих, а то и собственного сочинения хвалебных стихов. От прекрасных глаз даже самые почтительные старые ловеласы переходят на бледные ланиты, цитируя из книжек Пушкина юношеские строки, спускаются к гордой шее и бесподобной тонкой ключице с сексуальной, ярко выраженной ямочкой, когда она поворачивает голову, глубокой и округлой.

Навосхищавшись достаточно, начинают раздевать, и лишь у небольшого числа повес процесс этот протекает в изысканно-непринужденных классических выражениях.

Тут самые сдержанные начинают осыпать поцелуями, направляя распаленные взоры к ногам.

Жанна смущалась, однако продолжала чтение. Ноги у неё действительно красивые, что там говорить, ноги не стыдно показать. Если бы одними восхвалениями дело заканчивалось, она была бы вполне довольна, что её так обожают, но нет.

Большинство, а молодёжь-тридцатилетки, так и все поголовно, посвистав три-четыре смс-ки о необыкновенной красоте своей царицы, под действием распалённого желания, не сдерживаются, или экономя средства, начинают короткими фразами рвать на воображаемой Жанне воображаемое нижнее бельё.

Им обожания мало, им обязательно надо ещё и овладеть «прелестной обнажённой Дианой» при этом допускают зачем-то грубости. Некоторые, впрочем, владеют ими мастерски, подробности местами очень интересны, как правило, она не в состоянии оторваться и читает до конца, пока, оказывается, не издаёт вскрик заключительного счастья. «Ну, это едва ли у вас, мальчики, получится, ишь, как разжарило, не унесусь я никуда на крыльях счастья, можете зря не волноваться».

Посмеявшись над неповоротливой мужской фантазией, купированной размерами смс-ок, совершала общее удаление всем посторонним ночным чувствам, скопившимся в мобильнике и довольная, очень энергичная, шла

совершать утренний моцион, пребывая в чудесном настроении. Что ни скажите, женщине необходимо чувствовать себя желанной. А она желанна очень многими, несмотря на сорокадвухлетний возраст.

Хвастунишки! Утром рабочего дня самые отчаянные храбрецы-сослуживцы, три часа тому назад изображавшие из себя великолепных, неустрашимых самцов, теперь трусливо прятались, убегая по коридорам департамента, а внезапно застигнутые на рабочих местах, произносили, испуганно жмурясь, словно боялись, что она начнёт немедленно и прилюдно хлестать их по лицу: «Здравствуйте». Им, утрешним, ужасно стыдно написанного ночью. Они скрывались от неё, ускользая по чёрной лестнице. Некоторые приходили каяться, с белыми лицами просили прощения. Иные отыскивались лишь к обеду, звонили по телефону откуда-то, заикались приглушёнными робостью голосами:

–Извините, Жанна Ивановна, честное слово не знаю, что вчера нашло, крыша поехала, ей богу, простите идиота. Не помня себя писал, простите... что писал?.. да смс-ки эти дурацкие... Правда, ничего не читали? Благодарю, благодарю вас! А всё же, в честь того, что простили, давайте сходим сегодня в кафе? Некогда? Может, завтра сбегает в «Клаус»? Но ненадолго же?

– А почему бы и нет?

Ночные разнузданные чувства поклонников Жанна старалась как бы вовсе не замечать, оставляла без последствий, и уж совершенно точно никак не относилась к преступлениям. Главное требование к «проводнику» – во время похода тот должен выглядеть и вести себя истинным безупречным джентльменом.

Посетители кафе тут же начинают косить в их сторону восторженно: «Бог мой! Какая женщина!». Атмосферу немного обожания Жанна любит более всего в жизни, за исключением дочери, разумеется.

При этом как всегда безмятежно созерцает абстрактное пространство, никого не замечая, позволяя окружающим упиваться необычной красотой, шармом, который сквозит в любом её движении, слове, взгляде.

Мужчины, с которыми совершаются набеги на кафе и прочие места культурного досуга, нравились ей по-разному, иные были весьма приятны, другие почти совсем не нравились, но изначально она задала себе установку – никаких романов.

Да оказалось настолько сильную, что никаких романов после развода не случилась вообще. Даже из принципа – муж-то сразу женился на другой. Но зачем ей это, когда желания нет?

Зато как чудесно парить на крыльях лёгкого флёра на пятом десятке! Возможно, когда-нибудь он исчезнет, ибо ничто не длится вечно, что с того? Кончаются и красота и счастье, сама жизнь, в конце концов, есть явление отнюдь не бесконечное. Странное дело, но ни в юности, ни в молодости флёра у неё не было, как нет сегодня у дочери.

Жанна была просто достаточно красива и молода, когда вышла замуж, а после рождения ребенка начала полнеть, быстренько превратившись в

здоровую, крепкую женщину. Скоро муж сделался равнодушным, влюбился в другую, они развелись.

Развод оказался для неё тяжелейшим ударом. Она переживала стиснув зубы, превозмогая его вроде тяжёлой болезни, почти перестав есть. Её бросили как ненужную вещь! Жанна страдала больше двух лет, иссыхая на глазах окружающих, истощаясь, сгорая, будто религиозный фанатик, разочарованный в своём боге.

В результате незаметно для себя сделалась нынешней: тонкой, гибкой, элегантной, с трепещущим над ресницами флёром, ей в то время было уже за тридцать. И вот тут окружающие мужчины словно шалели, но теперь, слава богу, она знала, как себя надо с ними вести, чтобы жить без трагедий, легко и приятно.

Конечно, встречались на пути, и не могло их не быть, два – три, кои нравились больше прочих, но на одном-единственном остановиться она не смогла. Да и не хотела уже. Это помогало откладывать вопрос с обустройством жизни на неопределенное будущее. Зачем ей замужество? Старушки француженки до старости ужинают в кафе на бульварах. И у всех есть провожатые, на её век тоже хватит этого добра.

Когда дочка окончила школу, Жанна встретила на выпускном балу с бывшим мужем, который приехал поздравить, поприсутствовать, увлажниться, так сказать, родительской слезой радости. Жанна до глубины души поразила произошедшим переменам. У неё возникло неприятное ощущение, что он старше её лет на двадцать, хотя на самом деле был даже чуть младше. Старик, совсем старик! Это нанесло ей душевную травму, она рассердилась на нынешнюю жену по-настоящему за то, что та не препятствует неверному образу жизни генерала, а даже, говорят, потворствует оному.

С дочерью Жанна хлопот не имела никаких.

Девочка росла умницей, ей не надо было ничего объяснять, возможно, из-за плотной, всесторонней опеки бабушек та уже знала сама, что ей необходимо уметь делать в её возрасте и делала без напоминаний, с удовольствием. В школе училась хорошо, уроки готовила самостоятельно, по дому не то что помогала, но иногда, когда маме приходилось всю субботу проводить на работе, генеральные уборки квартиры устраивала. С младых лет начала готовить, как настоящая хозяйка.

Короче, не только сама времени забирала мало, но даже одаривала родительницу свободными вечерними часами.

С дочкой Жанна очень любила ходить в детское кафе-мороженое. Но и здесь, чуть повзрослев, дитя проявило самостоятельность, объявив, что отныне будет ходить со своими подружками. Ба, зазвучала знакомая песня, Жанна внутренне улыбнулась и позволила ребенку строить личный внутренний мирок, который существовал рядом с её, в приятном содружестве. Она не собиралась ни указывать делать то и не делать этого, ни мешать заниматься строительством собственной жизни, зачем? Дочка оказалась не в пример другим умная, обладающая врождённым,

интуитивным знанием, которое иным прочим частенько не даётся до седых волос.

С мальчиками ребёнок общался в меру, никакой болезненной любви с ней в юные годы не приключилось. Когда заходил свойский разговор на эту тему, соображения школьница выдавала настоль прагматические, что Жанне оставалось лишь беспрекословно соглашаться. От них за версту веяло свекровкиной мудростью. Но из девичьих уст они звучали вполне адекватно, может быть потому, что хотя дочка росла очень умненькой, но не слишком красивой. «И хорошо, и правильно, – думала Жанна, – так и надо пока. Я тоже не блистала по юности, успеет ещё расцвести, вот университет закончим, тогда ...». Сама она вышла замуж после университета.

На первом курсе, наконец-то пришёл в гости мальчик из одной с дочкой группы, но до сих пор, по прошествии нескольких месяцев, так и не представился честь-честью. Конечно, как зовут «нашего» мальчика Жанна знает, приветствует по имени, когда случается встретиться, но ребёнок сразу проводит бой-фрэнда в свою комнату и закрывает дверь. В воскресные дни Жанна делала попытки отобедать вместе, однако молодёжь хором опровергала заведённый в доме распорядок, не выходя из комнаты: «Мы не хотим!».

Сидя с подружками в кафе и обсуждая данную ситуацию, Жанна говорила как современная родительница, понимающая запросы юности: «Да пусть себе, пусть даже живут там (имея в виду плотно закрытую изнутри девичью комнату), я молюсь только об одном, чтобы замуж рано не сорвалась, доучилась бы до конца», – и быстро при этом отворачивалась в сторону, несколько смущенная.

Что они там могут делать? Её это всё-таки тревожит. Смотрят телек-видик и пусть смотрят. Ну, ладно, пусть поцелуются немного. И достаточно. Дочка у неё умница – на то вся надежда, какая есть и первая и последняя. Но уже другой мир построен, не такой как у Жанны, ведь Жанна никогда дверь в комнату от родителей не закрывала, если к ней приходил в гости мальчик.

Иные времена – иные нравы.

А тут вдруг младшее поколение непонятно с чего приобрело над старшим негласное верховенство. Жанна не знала причину твёрдых ноток в дочкином голосе, когда та начала говорить с ней, как с младшей по любому поводу, дочка тоже не объясняла. Всё-таки пока неудобно. Но потом как-нибудь скажет обязательно под горячую руку, уж как водится, будьте покойны, когда сойдутся однажды в прямой сабельной атаке.

Ища какую-то мелочь, зашла дочка как-то среди ночи в комнату спящей красавицы-матери, и увидела на столике полыхающий голубым светом ночник-телефон.

Взяла да ненароком прочитала пришедшую от неизвестного мужчины смс-ку, вспыхнула, испугалась почему-то за маму и за себя, потом другую – от другого. Так испуганная и увлечённая, простояла босая толи час, толи больше, поглощая бурные, взрослые, местами грубые, неведомые никогда прежде страсти, направленные прямиком на безмятежно спящую мамочку,

которую мужчины хором раздевали и целовали и делали с ней всё... что приличным девочкам знать полагается лишь в меру их испорченности.

Некоторых дочка знала, это были сослуживцы мамы и просто её хорошие знакомые, с ними мама иногда ходит в кафе. Теперь они писали чёрт знает что, будто занимались виртуальным сексом по телефону. А мамочка спала королевой, благоухая ночными кремами, и, конечно же, знала об этих воплях, сочащихся, извергающихся синим светом, не зря телефон подключен к сети, чтобы не разрядился.

Она читала-читала-читала, то холодея, то вспыхивая жаром. Это притягивало, так, что говоря себе: «Всё, последняя», – продолжала читать и новую, и потом ещё и ещё.

Утром Жанна ничего не заметила, ибо смс-ок за ночь прилетало с избытком, она особенно не утруждалась считать – что от кого и сколько. Господи, какая разница? В сущности, это лишь побочный мусор её отношений с провожатыми, со свитой, с вежливыми тридцати-сорокалетними мальчиками дневного или вечернего эскорта.

«Раз ты не говоришь мне ничего, значит, и я не буду!» – решил ребенок, надув губки, хотя говорить ей, собственно было пока нечего. Мама со своей стороны делала все возможное, чтобы не контактировать с молодым человеком даже случайно, видя, что дочка не желает, опасаясь убийственно лёгкого мамино флёра. На работе дел – гора Монблан, и субботы там и воскресенья проводит. А вечерами – кафе, театры, концертные залы.

А тут вдруг мальчик-френд начал оставаться на ночь. Как-то смотрели, смотрели телевизор за полночь... и засмотрелись.

Жанна не уловила момента, полностью доверяя младшему поколению, и страшно изумилась, однажды утром застав чужого мужчину у себя в ванной, хотела вспылить, высказаться решительно, что думает по данному поводу, но вовремя спохватилась: чего зря кричать? Та уже студентка, учится хорошо, по дому всё делает сама, даже обед с ужином готовит... Молода, конечно, очень, первый курс...

Думала-думала и пришла к обычному решению, на которое внутренне давно согласилась – да пусть живут, раз такое дело... уж случилось... чего лезть с наставлениями? Перед бабушками-дедушками только немного стыдно, будто не дочь, а она, сама Жанна позволила себе лишнее. Твёрдо знала одно: по-настоящему замуж, к действительно самостоятельной жизни – рано! Какие-то отношения у нынешней молодежи... конфетные, тоже вроде флёра, только не летящего, а лежаще-диванного. А если это любовь... такая?

В Женский день 8 Марта был вечер на работе, где женщины – подавляющее большинство коллектива. Жанна веселилась на полную катушку, потом с тремя подружками рванули в кафе, другое, третье. Дома очутилась в четыре часа ночи.

Комната дочери, как всегда, закрыта изнутри, света нет, но гудит телевизор и приглушенно стонет женщина. «Порнушку опять крутят по видеку», – нахмурилась Жанна.

Вытащила из сумочки мобильник, положила на столик у кровати, начала готовиться отойти ко сну. Чёрт бы побрал этих мужиков, только виртуально и умеют раздеть. Интересно, что там они сейчас с ней делают? Самое времечко поспело. Сан Саныч сегодня восхищался жемчужным ожерельем, наверняка уже стаскивает с шеи, разбойник. Герман, конечно, повалил на диван, как всегда, и быстро раздевает, трясая каждой тряпочкой и восхищаясь. А ведь, кажется, недавно женился. Ну-тес, где вы тут, субчики – голубчики?

Стала быстро листать сообщения, все они были – поздравлениями с 8 Марта от тех же эскортных мужчин с пожеланиями, стихами, славословиями. Вежливые, дневные. Жанна зевнула: «Петрарки, ити их мать». Прокукарекали, благополучно напились на Женский день и удрыхлись. Даже этот...как его... Платонов помалкивает. Неужели нашёл кого? А она-то думала – вот кто будет сопровождать вздохами до смертного часа включительно.

Разделась, но не легла, а села в кресло, дочитала до конца, сексуальных не оказалось – сегодня утром, как всегда вчерашние уничтожила. Спать почему-то расхотелось.

Из коридора громко застонала женщина. «Звук прибавили, – догадалась Жанна. – Совсем ничего не соображают!»

Вдруг до неё дошло, что стоны не из видика. Ей сделалось жарко: «Устроить им взбучку? Обнаглели вконец!»

Но просто включила музыку у себя в спальне, одела новый ночной пеньюар, подаренный бывшим мужем, возможно с намёком, и встала перед большой двуспальной кроватью, глядясь в зеркало: «Боже, как хороша!». Взяла телефон, бухнулась в кресло, набрала: «Как пусто выглядит моя постель», на мгновение задумалась: кому послать? Остановилась на строке «Платонов», нажала посыл. Смс-ка улетела в космос. Хмель внезапно исчез, сделалось ужасающе стыдно. Хотела отключить до утра, лечь, укрыться с головой, чтобы никого не видеть, не слышать, но что-то мешало, сидела, ждала ответа пять минут, десять, пятнадцать. Послала ещё одну, робкое: «Ау?».

Ждала, сколько могла, потом прилегла на краешек хладной постели, пытаюсь заснуть. Музыка не позволяла, та самая, любимая, которую обожала слушать, сидя в кафе с кем угодно, главное приличного вида. Теперь звучит похоронным маршем. Встала, выключила.

Нарочито страстные стоны, нёсшиеся из девичьей комнаты, были ужасающе фальшивы. Платонов не отвечал. И ни одной смс-ки ночного содержания, как назло, не приходило.

Случаются в жизни неприятные минуты, впрочем, бывало и похуже.

Твёрдо-чеканным шагом прошлась по коридору и неожиданно для себя громко застучала в дверь дочкиной комнаты:

– Эй, вы, там! Немедленно прекратите безобразие! Чтобы этого мне тут больше никогда не было!!! Ясно?!

Вот тут-то дверь и открылась.

ДЯДЮШКА ЖО И ЕГО БРУТ

Она любит нападать внезапно, например, когда принимаешь ванну и от горячей воды кверху поднимается пар. Стоит при этом немного расслабиться, намылить лицо, голову, тут и жди неприятностей – кинется сверху молчком, острыми когтями вопьется в шею, расцарапает до крови мокрую спину, особенно болезненны тычки с размаха куда-нибудь в лицо или плечи. Льнет на влажное необыкновенно.

Вставать в полный рост, находясь в ванне, давно никто не смеет, ибо при наличии горячего, мокрого тела, пребывающего практически в ее трепещущих объятиях, Финюша дуреет, и, стало быть, уберечься от яростных атак в принципе невозможно.

Когда стены комнаты имели беленую известью поверхность, за мгновение до нападения слышался стремительный шелест, но после того, как их выложили гладкой плиткой, все происходит в полной тиши, если, разумеется, не считать плеска воды и собственного вскрика.

Привыкнуть к этому невозможно.

С коварством пленницы-дикарки долгие годы живущей в чужом доме, она мстит всем подряд без разбора, несмотря на то, что давно уже стала почти членом семьи. Испортился характер от долгой жизни в темноватой комнате с одним наглухо закупоренным окном, выходящим на запад без солнечных лучей, яркого южного неба и горячего ветра.

Что касается меня, вот честное вам слово, выпнул бы вон за дурное поведение со страшным треском прямо на сибирский мороз, и даже не расстроился ни капельки, если бы тому всеми силами не препятствовал дядюшка Жо, который сам-то давно сменил квартиру, оставив за нами право трепетать при посещении ванной комнаты, но, заметьте, каждый раз при встречах неизменно интересуется судьбой своей воспитанницы: “Как там моя Финюша поживает?”.

Летом Жо приходит довольно часто, зимой сам сидит пленником Деда Мороза безвылазно в девятиэтажной панельке, как в крепостной осаде, не высовывая носа даже на балкон.

Тем не менее, зимние встречи с дорогим Жо – лысым старичком на седьмом десятке, обладающим лицом дерзкого, смышленного шимпанзе, происходят весьма регулярно: в пятницу после работы я покупаю и заносу им продукты на следующую неделю.

Физиономия дяди в многочисленных глубоких морщинах, красновато блестит, зубов раз два и обчелся, дыхание с гармошечным сипением и пересвистом обмороженных бронхов.

Как-то, в бытность свою молодым прорабом, принимал он активное участие в эксперименте по непрерывному бетонированию тела плотины в зимних условиях. Две недели морозов за сорок градусов удачно совпали с

самым ответственным этапом проекта, и в те дни дядя практически жил на плотине, согревая ее не только специальным излучением, но и теплом своей души, благодаря чему (по его мнению) эксперимент удался на славу.

Только сам излишне переохладился, сделался чувствительным даже к небольшому холоду, наподобие того, как однажды обгоревший человек с трудом переносит обычный жар печи, возле которой ему приходится ныне велением судьбы работать поваром.

Очередная зима добавляла новые ожоги, пока лицо Жо не набрякло и окончательно не покоробилось, сделавшись похожим на скаल्प, что brave английские солдаты сняли еще с живого краснокожего, а потом, по приказу начальства, вернули обратно, натянув чулком не вполне верно. Косовато сидит, отваливается кожа у глаз, торчит красное мясо и рот, будто порванная дыра – сразу видно не старались вражьи души, не хотели сделать толком, так, смеха ради исполнили приказ, чтобы еще сильнее поиздеваться над несчастным аборигеном.

И это несмотря на то, что Жо после первой плотины кутался будто кабинетная мадам, уже при минус двадцати в сто одежек, тридцать застёжек, от горла до глаз заматываясь шерстяным шарфом, сверху шапку с опущенными ушами натягивал по самые брови – лица не видать. Разве так должен выглядеть brave строитель коммунизма? Смехота одна, ей богу. Карьера, естественно, не заладилась, прорабом и остался на всю жизнь, а значит, круглый год на свежем воздухе.

С выходом на пенсию объявил во всеуслышание, что в морозы на улицу больше ни ногой. Серьезная зима у нас тянется полгода, дядя Жо в своих решениях устойчивее египетской пирамиды, таскать продуктовые сумки взялась тетя, и неудачно: упала на льду, серьезно повредив ногу.

Не тратя времени даром, отдаю на кухне заказанные пакеты, после чего мы с дядей тотчас усаживаемся за стол выпить водочки по какому-нибудь календарному случаю, полистав для порядка численник туда-сюда, и выбрав самое знаменательное, на наш совместный взгляд, событие.

За произнесение сопутствующих речей отвечает Жо.

Бывалым лыжником впрыгивает он на укатанную тропу преданий старины глубокой из области моего золотушного детства, широко растопыривает палки в стороны, и начинает погонять.

Радостно волнуясь при первых звуках бульканья водочки, дядюшка ведет рассказ дрожащим слезой голосом, будто я сотворил все свои проделки не далее нынешнего утра, ну в худшем случае – вчерашнего. Тетушка подмигивает: молчи, пусть выговорится.

Обычно река воспоминаний проистекает из давнего случая, как в раннем детстве чертов племянник наградил дядю Георгия-Геру-Жору новым именем Жо, обретя тем самым незаконное и, очевидно, дьявольское право распоряжаться его судьбой, чем определил нынешнее незавидное положение любимого родственника.

«Ваше здоровье, дядюшка Жо!»

Конечно, никакой дьявольщины с запахом серы нет и в помине. Просто оставшись трех лет от роду без детского сада, ребенок был поручен единственному в семье безработному человеку: студенту, будущему строителю. Кое-что из того времени я помню даже сейчас, посему не позволяю Жо врать совершенно напропалую. Отдельные картинки крутятся в голове, про то как дядя-студент таскал меня с собой по своим взрослым делам, а иногда даже отказываться от этих самых дел, когда ему звонили по телефону:

– Сижу с ребенком, – говорил он грустно в трубку и девичий голосок на другом конце длинющего телефонного провода начинал вякать, мякать, лепетать, пока не стихал окончательно.

После такого разговора дядя обычно щелкал дитя по лбу, произнося веселым, неунывающим голосом: “А не сходить ли нам в кино, Арлекино? Где твоя белая панама?” Еще он называл меня Братом Аврелио, Сыном тибетского ламы, Квазимодо Прямоходящим, в разное время по-разному, исходя из собственного настроения.

Обращение Арлекино значило, что Жо перехватил сегодня от кого-то из членов семьи трешницу или пятерик за то, что гробит молодые годы в няньках, и мы сейчас с ним на пару загуляем. А может даже и не на пару.

Я все это распрекрасно понимал, несмотря на юный возраст, тер лоб, распахивал пошире наивные глаза, которые в детстве выглядели чрезвычайно большими, даже взрослые девушки, встречавшиеся нам на улице, говорили друг другу, показывая на меня пальцем: «Смотри, какие огромные глазищи!» И тут же интересовались у дяди:

– Молодой человек, это ваш ребенок?

Жо солидно, без тени сомнения в голосе, отвечал:

– Конечно мой, чей же еще? Нравится? Тогда давайте знакомиться. Меня зовут... Мальчик, как меня зовут?

– Дядя Жо.

– Видите, ребенок врать не станет.

Так мы знакомились с девушками и забирали их с собой. У нас с дядей Жо образовалось великое множество приятельниц, по выражению мамы, недовольной обилием звонков, приходящихся на один старый телефонный аппарат, – полгорода. Справедливости ради стоит сказать, что одинокогуляющие девушки ни разу не обратились к нам с подобным вопросом, хотя, я видел, косили в нашу сторону сплошь и рядом. А вот парочка хохотушек мимо не пройдет, ишь, как заливаются, сейчас обязательно спросят, можно даже не сомневаться.

Если дядя при деньгах, в мире не существует человека щедрее: кроме билетов в кино, он всем и мороженое перед сеансом купит и лимонадом с пузырьками угостит. Приятно вспомнить, как весело прохрустывая вафельными стаканчиками, мы гордо входили в зрительный зал, где рассаживались на строго отведенные места.

Ребенка дядюшка Жо мигом определял на колени одной из девушек, дальней от него, а руку ближней забирал себе, будто боялся темноты

зрительного зала. До сих пор для меня остается загадкой: как он выбирал кому что, но ни разу ни одна из девушек не возразила, я тоже помалкивал.

Бывали случаи, когда мы оказывались в кино без пары, тогда бедному дядюшке приходилось держать меня на собственных коленях, потому что с сидения мне все равно ничего не видно, кроме больших спин впереди сидящих граждан. Естественно, с девушками ходить в кино много приятнее, у них и колени мягче и нервы крепче, они не шипели поминутно: “Чего ты тут рассопелся?” – это когда я всего-навсего слегка задремал от скуки.

Признаюсь, в темноте зрительного зала мне (ныне с трудом верится) и с девушками обычно делалось скучно. Однако в отличие от других детей, попавших на сеанс, я не уросил, не просил громко шоколадку, не орал противным голосом: «Хочу домой! Пошли домой!», как сплошь и рядом происходило где-то в непосредственной близости. Когда в зале вдруг поднимался детский вой и плач, девушки ощутимо твердели подо мной в предчувствии аналогичного поведения, и тогда дядя Жо их вовремя ободрял: «Вы не беспокойтесь, он у меня дрессированный: сейчас уснет».

И правда, обняв свою девушку за тоненькую талию, прижавшись щекой к ее груди и немного посопев, я тотчас засыпал сном блаженного. Мне снились лиричные, мягкие, нежные, удивительно приятно пахнущие сны, каждый раз иные, переплетавшиеся с загадочными голосами героев и героинь фильма, какие-то голубоватые пространства, в которых я легко путешествовал, и просыпался всегда в настолько приподнятом настроении, что весь остаток дня чувствовал себя неизменно превосходно, какими бы презрительными кличками не награждал меня дядя Жо, пытаюсь разбудить по окончании сеанса.

Не знаю, что испытывали девушки, совершенно безбоязненно прижимавшие к себе постороннее, горячее, мгновенно засыпавшее дитя, с липкими после сливочного мороженого губами. Весьма возможно то были некие новые для них, неизведанные еще материнские чувства, потому что руки их не желали отпускать меня и после того, как свет зажигался, когда все, шумно хлопая сидениями, вскакивали, торопясь покинуть зал до того, как на выходе возникнет толчея.

Они не спихивали сонного ребенка с колен на пол, как обычно делал дядя Жо, не поднимали за шкурку, ставя в проход. Напротив, смотрели на дядю, отрывающего меня от них возмущенно, как невольницы на жестокого работорговца-разлучника. Да, они расставались со мной с явной неохотой, я видел это. Мои девушки впоследствии никогда не звонили дяде Жо, хотя, в конце концов, не их же руку он забирал на целый сеанс.

Заглядываю в слезящийся глаз старика, похлопываю его с родственной теплотой, благодарностью и грустью. Милый, добрый дядюшка Жо, он не получал и десятой доли тех удовольствий, что дарили мне блаженные сны!

Ну подержит за руку сеанс, ну созвонятся потом, прогуляются вечером и, как правило, на этом сюжет оканчивается, то есть начинается следующий. Объявляется новый поход в кино.

«Жо – ветреник!» – делали вывод обиженные девушки, да и родня, с течением времени, была вынуждена с ними согласиться.

Но неправы, ох, как неправы все они были! Не понимали, глупенькие, что у человека может быть заветная мечта, к которой он стремится будто неустрашимый парусник к горизонту. Говоря так, я вовсе не оправдываю Жо. Увы, с мужчинами сплошь и рядом случается подобное. Живет он год с той мечтой в голове, два, десять, жениться все недосуг, да и не укладывается в грандиозные планы женитьба, а потом, глядь, и на пенсии оказался с красной рожей, лысый, и на улицу боится выйти, чтобы стариковская кожа не треснула по швам от благодарной улыбки на морозе, когда поднимут добрые люди после падения на скользком месте, шапку отряхнут и обратно на лысину нахлобучат. И все. Таков удел наших мечтателей.

А по молодости был очень хорош. Тетушка и сейчас нет-нет, да перелистывая альбом, воскликнет чувственным голосом: «Господи, неужели это ты?». Конечно же нет, не вполне, чтобы Господи, но где-то рядом, по образу и подобию.

Я налил дяде, тете, себе и предложил выпить за мечту. Жо тотчас кивнул, опрокинул рюмку, посмотрел вдаль, вернул взгляд на меня, понюхал кусочек хлеба и нахмурился, хотя я в отличие от него уже в раннем детстве прекрасно понимал, что все девушки хороши без исключения, и глупо манкировать ими, как делают некоторые.

Помнится, в один момент у меня вдруг сложилось впечатление, что дядя Жо эксплуатирует мои внешние данные в своих личных интересах. Я даже сердился на него некоторое время, право. Слава богу, по мере того, как извилины начали укладываться в верном направлении, применяя новые для себя правила логики, не без горечи осознал, что это не вполне так.

Ведь гулял я не только с Жо. По выходным дням родители брали меня за руки, и вели куда-нибудь в кукольный театр, или на детский кинофильм, и хотя кругом девушек было тоже пруд-пруди, ни одна самая развеселая хохотушка даже не вздумала объявить подружке: «Смотри, какие глазищи!».

Значит, дело не во мне, – догадался я, – значит дело в прическе дяди Жо.

И это была истинная правда.

В лучшие времена у дяди Жо надо лбом вились три красивые волны.

Чтобы сочинить себе нечто подобное, маме приходилось тратить перед выходом на важное мероприятие два часа, и в это время к ней было лучше не приближаться. А дяде Жо достаточно слегка провести расческой по голове и пожалуйста, все в лучшем виде на целый день вперед. Волосы у него жесткие, фиксированные, ветер их не сдувает.

После посещения парикмахерской остается лишь одна волна, тогда мы ходим с Жо в кино на пару, никто к нам не пристаёт.

Затем вырастает вторая, девушки начинают интересоваться моими глазами через раз, ну, а с третьей волной, дяде приходится раскошелиться на полную катушку в каждом культпоходе.

Что говорить, по отношению ко мне он в молодые годы вел себя весьма лояльно, за это я его и теперь люблю и уважаю, а Жо меня – нет. На то есть свои причины.

Увы, первые седые волосы в трех волнах дядя заполучил весьма рано и действительно из-за Квазимодо Прямоходящего, хотя по собственной инициативе, решив купить племяннику на день рождения настоящий фонарик с плоской батареей.

По всему городу в то время расплозились совершенно невероятные слухи, будто бы в некоем окраинном магазинчике выбросили в продажу электрические фонарики – страшный, просто невиданный доселе дефицит. Сроду ничего подобного на прилавках не показывали, а тут вдруг – нате вам! День продают! Два продают!! Три продают!!! А фонарики все не кончаются, невероятная история!

Большинство моих товарищей по уличным играм уже заимели розовые перламутровые штуки, только я один, будто круглый сирота, по вечерам гулял без собственного освещения. Сколько шишек и синяков набил – страшно вспомнить, а родителям все некогда сходить, постоять в очереди часика три. И вот в конце той волшебной недели добрый-предобрый дядя Жо ударил себя в грудь: “Для родного Арлекина ничего не пожалею!” – и мы двинулись в путь.

Добирались страшно долго. Магазин оказался бревенчатым, одноэтажным, крашенный зеленой масляной краской, и расположен у черта на куличках. В подобном амбаре у нас хлебом торгуют на улице Пролетарской. “Нет, не такой должен быть магазин с чудесными фонариками!” – почудилось мне сразу, но, увы, ничего более подходящего рядом не обнаружилось.

Приблизительно с час мы упорно стояли в очереди на улице, будто и правда за хлебом. Дело происходило жарким летом, я устал, но еще очень хотел иметь фонарик. А когда пришла пора затискиваться через порог внутрь, в плотно набитое человеческими телами помещение, дядя Жо не решился взять меня с собой в толкотню на муку мученическую, сказал: “Жди здесь, возле дверей, никуда не уходи”, после чего наморщившись, влез в темноту внутреннего пространства, будто в грязное болото с крокодилами.

Честно говоря, я ждал его долго, очень долго. Наверное, часа два или три, а может и все пять, но дядя в обратную сторону так и не явился. Я устал стоять и глядеть на дверь. Мне было страшно жарко на горячем песке меж чужого люда. Потом пришел настоящий страх, что я никогда больше не увижу Жо.

Захотелось убедиться, что его не задавили во внутренней толчее, поэтому я стал ходить вокруг магазина, заглядывать в двойные окна, меж рамами которых имелись еще и решетки. Окна, как на грех, такие пыльные, что ничегошеньки сквозь них не видно, наверное, специально против воров так сделано, но я все равно ходил и заглядывал. Потом вернулся к дверям и замер у крыльца в тревожном ожидании, нервно вздрагивая, как потерявшая хозяина собачка.

Иногда из дверей, как с поля сражения, вырывались в обратную сторону мокрые, растерзанные мужчины, отцы семейств в разорванных на груди рубашках, без пуговиц, сжимающие в руках вожделенные фонарики. На них (мужчин) страшно было глядеть. В нынешних обстоятельствах фонарик уже не казался лучшим подарком на день рождения. Если бы раньше кто сказал, с каким трудом придется его добывать, с какими ужасными потерями, ни у кого бы ничего не просил, не нужен мне ваш фонарик, отдайте моего дядю Жо!

По сравнению с этими измочаленными, но все равно внешне крупными мужчинами, дядя Жо смотрелся мальчишкой, и если уж эти чуть живы, то он давно там погиб. Поэтому и не выходит, растоптали моего Жо по полу и ходят по нему, а некоторые стоят на бездыханном теле, на голове, на трех волнах. Последняя картина так ужаснула детское воображение своей катастрофичностью, что я затрясся от страха и чуть не расплакался, но вовремя себя успокоил: нет, слишком ужасно, такого быть в принципе не может.

Скорее всего, Жо вырвался из двери обратно именно в тот момент, когда я обходил магазин, заглядывая в окна! Конечно же он давно вышел, поискал-поискал, не нашел и решил, что я ушел домой и сам поехал туда!

Я оглянулся по сторонам. Где находится дом? Куда идти? Расспрашивать окружающих не только бесполезно, но и опасно: только попробуй! Видел я этих потерявшихся на улице детей: их тотчас обступала плотная толпа прохожих и давай выяснять: кто папа, как зовут маму? И уже не отпустят, сдадут в милицию! Нет, чтобы не подводить дядю Жо, надо искать дорогу самому. А как, когда кругом совершенно неизвестное место и даже приблизительно не ясно в какую сторону идти, чтобы попасть домой? С дядей Жо мы ехали сначала на трамвае, потом на автобусе. Маршрутных номеров я еще не знал. Надо было, однако, что-то предпринимать и я направился в ту сторону, где по моему внутреннему чутью должен находиться родной дом. А на самом деле удалялся от него мимо длинных заводских заборов уже совсем за город.

Потом вдруг оказался на перекрестке четырех широченных асфальтированных трасс, наполненных большими машинами и остановился в нерешительности: дальше куда? Из двух направлений еще мог выбирать интуитивно одно, перед четырьмя внутренним штурман спасовал.

И тут вдруг, весьма кстати, в глаза бросился маленький голубой домик, который я всегда любил разглядывать, когда автобус, на котором мы ездили в свой мичуринский сад, тормозил на остановке возле. Ах, как я ему обрадовался! От него оказалось совсем нетрудно взять правильное направление движения. Потом встретился знакомый мост, под которым проезжал автобус, затем трамвайная остановка, на которой мы сходили и вот по этой трамвайной колее я помчался, как засидевшаяся гончая по следу. Знакомые приметы попадались все чаще и чаще.

– Давай выпьем за своевременную ориентацию в жизни! – поднимает тост дядюшка Жо, при этом глядя на тетю.

Конечно, он имеет в виду вовсе не тот голубой домик. Бедный дядя! Что ему пришлось пережить!

Когда я вернулся домой, никого в квартире не оказалось, дверь закрыта. Поэтому ушел играть в соседний двор, где вместе с друзьями залез на сарай, с крыши которого удобно объедать поспевшую ранетку. Хозяева ранетки в тот день разрешили нам делать это. Я здорово проголодался и потому задержался на сарае до позднего вечера, не зная, что дядя Жо прибежал домой, и не найдя меня снова поехал к магазину накручивать круги поисков, которые ничего не дали, в результате пришлось в милиции написать заявление, что у него пропал ребенок. До глубокой ночи несчастный нянь бродил по дворам и чужим подъездам, опрашивая всех подряд: “Вы не видели здесь мальчика в белой панаме приблизительно четырех лет?”.

Я уже спокойно спал на своей кроватке, позабыв за ранетками да играми о дяде Жо и фонарике, а он все где-то искал меня. Когда мама открыла дверь Жо и сделала сердитое лицо, собираясь попенять, с чего это он так поздно начал шляться, тот вымолвил первым: “Убивай меня, я потерял его”.

– Кого? – испугалась мама.

Пережив невероятный стресс, Жо проспал целые сутки. Нервное потрясение не прошло для него даром, обьявившись седыми волосами в прическе. Дядя Жо так сердился на меня после того фонарика, что напрочь отказался нянчиться и даже ходить в кино.

Впрочем, у него появилась на то уважительная причина: он окончил институт и получил направление на стройку. Теперь ему, как и всем, тоже стало некогда со мной возиться. Но нет худа без добра: я угодил в детский сад, где очень скоро во мне открылся талант юного рисовальщика.

Дело было так: воспитательницы раздали всем листки с карандашами и приказали в срочном порядке нарисовать Снегурочку, иначе она к нам не придет и Деда Мороза не приведет. Сами же, как всегда, занялись разговорами. Я нарисовал Снегурку довольно быстро, для правды жизни двумя полукружками подчеркнув то место, на котором удобно спать в темноте зрительного зала. Моя работа произвела на воспиталок странное впечатление, меня долго и с подозрением разглядывали в упор сверху вниз, будто я спрятал перед прогулкой чьи-то штаны и не желаю в том признаться. Наконец пожилая нянечка спросила: “Зачем ты нарисовал это?”. “Так оно же есть, – удивился я, – а рисовать надо похоже». Оказывается, я, в моем пятилетнем возрасте не должен был этого видеть! Не замечать очевидного? Что за странности?

М-да. Трех волн на голове дядя Жо нынче нет, двух тоже, даже одной-единственной не осталось, ветхая лысина светится в электрическом свете люстры. Дядя Жо грозит мне пальцем, говорит свои обычные речи, что я испортил ему жизнь, причем два раза и оба раза – навсегда.

– Нет, скажите, – вопрошаю я тетю, – как одному человеку можно испортить жизнь раз и навсегда два раза? Ну ладно, с первым разом еще куда

ни шло, согласен, испортил жизнь. А насчет второго извините-подвиньтесь! Правда же, тетушка?

– Конечно, – соглашается она, – да ты его не слушай. Попробуй этот салатик. Мне кажется, неплохо получилось.

Право, тетушка любит меня гораздо больше дяди.

– За твои, брат, художества! – провозглашает Жо, сверкая глазками из-под седоватых бровей.

Здорово нынче разошелся – этак все припомнит!

Было мне в ту пору уже лет шесть. Дядя со мной больше не сидел, стало быть, времени у него свободного достаточно, но, что само по себе чрезвычайно любопытно, и с девушками перестал по кинам бегать: «У меня, – говорит, – мечта есть!». Какая конкретно мечта никому не рассказывал, боясь сглазу, но очень странная, это все подмечали: в послевузовском возрасте засел вдруг по-новой за иностранные языки.

По вечерам, приходя с работы, оставался дома, садился за стол и читал со словарем газету Москау ньюз, дальше – больше, увлекся арабским языком. А в выходные так и круглосуточно этим занимался.

Между тем прежние девушки все еще названивали по телефону, хотя и много реже, чем прежде, но сам Жо трубку не брал, тому же, кто шел ее поднимать, кричал: «Меня нет дома!».

Со мной этот номер не проходил. «Врать нельзя, – напоминал я ему абсолютную истину воспитания, – после чего спешил сообщить невидимой, но прекрасной незнакомке: дядя Жо дома, сейчас приглашу!».

По дороге к телефону дядя Жо энергично тряс перед детским лицом кулачищем, огрубевшим на стройке, а в трубку вещал тоскливым голосом: «Сижу в няньках с молодым балбесом, не жизнь – каторга! О! Что-то опять на кухне натворил. Все, целую, бегу!» – и бросал трубку.

– Зачем врать, Жо? – удивлялся я, – со мной давно не сидишь, и на кухне ничего я не творю. Бессовестный ты.

– Это еще неизвестно, – отвечал дядя Жо, деловито пригладив у зеркала трехволновую прическу, – творишь ты или нет. Это будущее покажет. – И усаживался на прежнее место, за арабский с английским.

Как в воду глядел, бедняга.

Надо сказать к тому времени, после того, как в детском садике обнаружили мой талант рисовальщика, и маме вечером воспиталки рассказали о нем, папа срочно отвел меня развивать его в нулевой класс художественной школы. Школа была платная, и конечно, там детсадовский талант немедленно подтвердился за тринадцать рублей в месяц, плюс краски, карандаши, и кисточки самого лучшего качества, которых в нашем городе не оказалось и родительский комитет художественной школы заказывал привозить их аж из столицы родины.

Однажды, когда я болел ангиной и не ходил в садик, мой талант вдруг выплеснулся наружу мощным гейзером. Не знаю, что на меня тогда нашло, но так хотелось рисовать, так хотелось, что я затупил в работе все имеющиеся карандаши, изрисовав альбом новый, альбом старый, альбом

акварельный, газеты и много другой бумаги. Прилив творческой энергии бил изнутри невероятный. Я даже отдувался, когда рисовал, так было жарко и волнительно. Что рисовал – не помню, да это и не важно в свете дальнейших событий, развернувшихся в квартире по приходу взрослых, а конкретно дяди Жо.

Внезапно, вдруг, буквально ни с чего поднялся такой ужасный шум, какого прежде никогда никем не производилось! Кричал обычно негромко живущий дядя Жо, кричал дико взыскующим голосом. Вот будто убили его на поле брани, или в магазине, в очереди за фонариками затоптали, тогда бы, может быть, от невыразимой тоски я бы так над ним выл, вкупе со всеми прочими родственниками, а тут сам Жо, живой и здоровый принялся голосить безо всякого стеснения.

Следом раскрылась страшная тайна.

Оказывается, не зря дядя Жо все вечера, как дурак учил английский с арабским, отказывая девушкам в удовольствии посетить с ним кино или просто общаться, гуляя в вечернем сиянии уличных фонарей по проспекту.

На то у него имелась огромная, сокровенная тайна, заветнейшая мечта, которую Квазимодо сегодня уничтожил своими маленькими, противными ручонками, всеми в цыпках, которые выдрать с корнем не жалко!

Оказывается, дядя Жо размечтался поехать в удивительную страну Египет, где никогда не бывает зимы, страну древних пирамид, сфинксов, на великую реку Нил и там построить Асуанскую плотину. Жо грезил плотиной во сне и наяву, никому свои грезы не открывая, хотя давно написал заявление, и даже прошел медкомиссию. Где-то в Москве неведомые органы изучали его подноготную долго-долго, а он все ждал и надеялся. Теперь откуда-то из глубочайших недр министерства пришли, наконец, специальные документы-бланки для окончательного заполнения, и эти бланки несносный пакостник зачеркал в дремучем порыве художественной страсти.

– Может, сходить, попросить другие бланки?

Дядя Жо перестал выть, саркастически присвистнул, после чего направился прямо ко мне. Я зажмурился, не пряча лоб, надеясь, что он сейчас вкатит здоровенный щелбан и простит, даже мама молча отвернулась от справедливой казни, но дядя Жора несчастным голосом, тем самым, каким разговаривал с девушками в последнее время по телефону, произнес:

– Ты разрушил всю мою жизнь.

Нынче он имеет по данному неприятному случаю другое мнение. Теперь, несмотря на то, что в Египет так и не поехал, говорит, сидя за столом: “Это были цветочки! Ягодки – впереди!”. И грозит пальцем сердито.

На что тетя лишь хмыкает: “Ну-ну, сильно-то не расстраивайся, желчную побереги”.

Нет, тетя меня очень любит, не в пример дяде, прямо даже не верится иногда, что не она мамина сестра, а он мамин брат. Бывают в жизни казусы. Или ягодки, по выражению дяди Жо.

Не глядя в мою сторону, сердито-дребезжащим голосом старик приступает к повествованию главного преступления перед прогрессивным человечеством, а мы с тетей машем на него руками, чокаемся и выпиваем за общее здоровье присутствующих.

После того, как Египет рухнул, Жо ни разу не назвал меня Арлекино, даже Квазимодо Прямоходящий казалось ему слишком ласковым прозвищем, некоторое время величал Товарищем Пришибеевым и вдруг начал кликать Брутом. Кто такой Брут я не знал, но нетрудно сообразить, что много хуже Квазимодо.

Однажды в его глаза вернулся прежний блеск: в некоем таинственном месте ему пообещали, что на следующий год состоится еще один набор на Асуан, тем более, что медкомиссия пройдена, идейно-политическая проверка тоже, и Жо с радостью уселся за языки. Учить их нынче несложно: по телефону девушки совсем перестали звонить. Тишина и благодать.

То, что наша дружба с Египтом окрепла и дела на Асуане идут неплохо, в городе стало заметно по магазинным прилавкам. На них появились невиданные прежде засахаренные финики. Были они похожи на конфеты: тоже сладкие, но чересчур приторные, масляничные, и в отличие от конфет, больше двух-трех штук при всем желании съесть невозможно. Один Жо поглащал их с удовольствием без счета, при этом мечтательно заводя глаза в какое-нибудь непримечательное место комнаты и как наяву видел там оазис с финиковыми пальмами, голубое небо, голубой Нил, плотину, веселых загорелых арабов-строителей, а над всем этим раем круглогодично жаркое, курортное солнце.

Косточки от засахаренных фиников он втыкал в цветочные горшки, некоторые из них потом взошли, а один стебелек принялся так здорово расти, что ему выделили отдельный горшок. Дядя Жо ухаживал за ним, поливал, подкармливал, как настоящий садовник.

– Что, – спрашивает однажды, – в кино идем, Брут?

Зная, что кличка плохая, я выставил условие:

–Если только с мороженым в вафельных стаканчиках.

–Куплю, – оборвал дядя и даже по карманам себя не хлопнул, как прежде, потому что зарабатывать стал очень прилично, бумажек у него полным-полно, а мелочь сдавал мне в копилку.

Девиц мы тот раз не клеили. Считаю, Жо виноват. Во-первых, после того, как потерял меня, взгляд у него сделался бегуще-затравленным, когда со мной куда идет, а во-вторых, седые волосы уже есть. Вроде и молодой, а... странный товарищ.

Съели в фойе по стаканчику, отсидели в душном зале сеанс двухчасовой, вышли на улицу, смотрю, вдали мороженщица в белом халате у синей коляски на ветру зябнет, и никто у нее ничего не покупает по причине наступившей осенней прохлады.

– Дядя Жо, возьмем еще?

– Все, Брут, на сегодня хватит. Закашляешь, а мне перед мамашей твоей потом отвечать.

Я звякнул себя по карману:

– Пойдем, угощаю!

Но дядя уперся бревном, взял меня за руку и потащил на остановку. Дела у него срочные объявились, некогда ему стало. Но мне уже, извините, не четыре года, а шесть. Вырвался, да как вчищу через дорогу! Жо за мной!

Добежали почти вместе, я вокруг мороженщицы запрыгал: “Тетя, спасите, меня дядя куда-то хочет утащить!”.

Тетя, не смотря, что совсем еще молодая, как разорется с ходу на дядю:

– Чего вы себе позволяете, гражданин? Как с ребенком обращаетесь? Сейчас милицию вызову, посадят вас на пятнадцать суток, тогда узнаете!

В те времена или дяди были другие, или милиция иная, но угроза подобного рода действовала безотказно.

Тем более, что у Жо мечта любимая: Асуан строить, а с приводом в милицию черта с два возьмут за границу в теплые страны нарушителя порядка. Скис, извиняться начал.

– Тетенька, не надо милиции, дайте нам лучше три порции: ему, мне, и вам. Угощаю.

Представьте себе, уговорил-таки, и его и ее и даже за бесплатно.

В результате, дядя Жо на стройку века в Египет не поехал по причине скорой, я бы даже сказал скоропалительной женитьбы.

Финиковая косточка выдула со временем в огромное растение, которое до сих пор живет у нас дома. Через несколько лет семейный Жо переехал в новую квартиру, данную ему на стройке за хорошую работу, но пальму с собой не взял – где ей там разместиться при высоте потолков всего два метра с небольшим? Другое дело трехметровый рост ванной комнаты, где привольно раскинулись ветви пальмы, куда она за сорок лет буквально вросла, заняв весь потолок и стены.

Входишь сюда, как в оазис: справа от двери бочка с огромным мохнатым стволом, слева в углу возле входа пребывает чугунная ванна, появившаяся здесь лет тридцать назад, после чего крайняя ничейная жилплощадь и стала зваться ванной комнатой. А вокруг ванны, вниз от потолка по кафелю ниспадают длинными, обоюдоострыми ножами листья финиковой пальмы, чьи кончики высохли до состояния каменных наконечников стрел, приобрели негодную привычку колоть да царапать мокрое тело, так что возникают разные пренеприятные ассоциации.

В отличие от дяди Жо, я, при виде Финюши, воображаю не курортный рай, а горячий пыльный песок, змей, скорпионов, и, стало быть, от Египта не в восторге.

– Племянник меня первым родней признал, – вспоминает тетя, расплываясь в довольной улыбке, – как он ко мне тогда кинулся, кричит:

«Тетя, тетя!», за это и люблю, давай-ка еще тефтелек положу? И хватит его ругать, Жо, сколько можно? Мороженое сейчас будете?

– Чуть под колесами не погиб, разбойник, – брызжит дядюшка, – и я за ним следом.

Три мороженки возникают на столе в качестве компенсации всех дядиных жизненных утрат: современные, в шоколаде, с орехами, в блестящих упаковках.

Старик отмахивается: “Ну их к черту!”. Смотрит в кухонное окно, разрисованное ледяными пальмовыми листьями, решительно разливает остатки.

– За Асуан!

Отводя взор от лица дяди Жо, вздыхаю виновато.

Да, шестьдесят пять лет в Сибири – это срок.

ПРОБА ПЕРА

Желание писать явилось лет в семь-восемь, жарким летом, после очередного, раскалённого сверх всякой меры дня, когда оказался стоящим в угловой комнате рядом с комодом, на котором постоянно живут лишь две голубые пластмассовые шкатулки да узкая и очень тяжёлая голубая ваза: летом в неё ставили гладиолусы, зимой – искусственные розы.

Комод высоковат для того, чтобы пользоваться им в качестве письменного стола, однако близ края заметил взрослую авторучку, которую никогда прежде не трогал, а рядом стопку чистых билетов общества мичуринцев-садоводов, что и решило дело.

Тяга оказалась необоримой.

Жёлтый вечерний свет всё ещё струился по комнате, захлестывал её волнами, проникая с улицы в окно, переливался через горшки с фиалками, легко пронзая тюлевые шторы тоненькими многочисленными струйками, после чего вновь соединяясь в целостный непрерывный поток, заполняющий всё внутреннее пространство медленно и неотвратно.

Особенный свет, наполнявший комнату в те минуты, появлялся и прежде, хотя не слишком часто.

Случалось явление после раскалённого дня, проведённого в беготне на улице, ближе к вечеру, когда жар над городом не только не уменьшается, как следовало бы ожидать, но делается нестерпимым, происходя уже со всех сторон: от горячего песка, расплавленного асфальта, чуть ли не дымящихся заборов, стен и крыш домов. Возникает неприятное ощущение, что находишься запертым внутри громадной печной духовки, лишённой воздуха.

И вот стоит, убегая от этого пекла заскочить в дальнюю комнату квартиры, куда солнце не доносит своих лучей, так быстро, что голову на затылке всё ещё обжигают собственные горячие, коротко стриженные волосы, то сразу начинаешь видеть свет желтоватым, вливающимся снаружи, и даже отдельные его волны становятся различимыми, когда рельефно огибают предметы, а изображение при этом слегка кривится и делается меньше, чем есть на самом деле.

Свет льётся в окна медленной прозрачной жидкостью, подобный жёлтому липовому меду, стекающему струей с куска белого хлеба.

Очередная волна опускается с подоконника на диванный валик, захватывает его плавно в свои объятия, часть сбегает вниз к стене, а прочее легко поглощает весь громадный диван, отчего мне, обожжённому солнцем, хочется лечь на приятно охлаждающую, тугую поверхность, закрыть глаза в этой чудесной прохладе, да побыстрее остыть.

Желтизна действует на организм странно, при виде её глаза сами собой закрываются, голова тяжелеет, я валюсь с ног и тотчас бурное дыхание сходит на нет. Местная атмосфера содержит в себе столько кислорода, что легким нет нужды вдыхать много воздуха, можно чуть-чуть, неслышно дышать и вполне достаточно.

Прикрыв веки, чувствую спасительное охлаждение тела, быстро переносясь в голубоватый, рассеянный свет, падавший отвесно сверху из круглой, высоко расположенной дырки, будто только что плавно съехал на баде в высохший глубокий колодец.

Здесь не очень темно, мглисто, пустынно.

Стою в светлом круге, различая под ногами гладкий мраморный пол бело-коричневых оттенков, который совершенно не обрадовал в данный момент и не заинтересовал, потому что сразу стало до того страшно, как прежде не было никогда, ибо до того жизнь шла обычная, а теперь в любую секунду предстоит умереть ужасающей смертью, недоступной пониманию и невозможно что-либо изменить, предотвратить, и слишком поздно думать о спасении.

Да, смерть будет ужасной. Жить осталось чуть-чуть, защитить некому, я осталась одна.

Стою посереде огромного зала, такого большого, что стены теряются где-то во мраке, их почти не видно, безумно уставившись на мраморный пол, в самый центр залы, из которого выходит восемь стрел во все стороны. А снаружи о толстые стены бьётся толпа.

Платье очень тяжелое, пребывание в нём неудобно, хочется сбросить с плеч да убежать куда-нибудь, всё равно куда. Бежать, однако, некуда.

До меня доходит наконец, что парадный наряд для того и надет, чтобы принять смерть достойно. Молиться о спасении в последние минуты не получается, страх тела перед грядущим растерзанием неописуемо велик, он превышает все мои возможности, затмевая разум полностью. Груз нарядного одеяния, драгоценных камней давит на плечи, тяжело стоять на одном месте, ждать, хранить равновесие и не рухнуть в обморок.

Хотя ворота надёжно заперты изнутри, чувствуется, как они прогибаются под напором толпы, трещат всё сильнее. Взгляд скачет к верхнему отверстию, через которое виден круглый кусочек неба, взыскуя: как хочется взлететь и унести птицей!

Наконец с гибельным треском врата распахивается, через них вливается кричащая чёрная людская масса, в одно мгновение сотнями рук разрывая тяжёлое платье. Безжалостные пальцы ухватились за волосы, впились в глаза, вонзились в рот, раздирают на части, яростный гул ненависти захлестывает...

В страшный миг собственной смерти я вскочил с дивана, озираясь вокруг уже выдавленными глазами, находя взамен воплей и смертной боли – тишину, покой, одиночество и не веря ничему этому.

Ужас давил на сердце, не позволяя дышать, ведь только что меня разорвали на части обезумевшие люди, только что... только что... только что! Не верилось ни тишине, ни удивительному вечернему жёлтому свету, по-прежнему льющемуся из окон ни себе – живому. Разве может вернуться прежнее, когда только что, сию минуточку страшно умерла!

Ничего вокруг нет, кроме множества растопыренных чёрных пальцев, что тянутся, тянутся, бесконечно приближаясь, я живу в нескончаемом акте высшего страха, не в состоянии от него избавиться.

А если сейчас не избавлюсь, то умру и здесь, в тишине, покое, так необъятно чувство воплощенной внутри смерти.

Комод высоковат для того, чтобы пользоваться им в качестве письменного стола, однако близ края заметил взрослую авторучку... открыл пустой мичуринский билет и вывел коряво первые слова, которые сам не смог бы понять, коли вздумал, прочесть: “Они меня сейчас убили...”, и как только написал, разразился бурными рыданиями, но ручку не бросил.

Напротив, будто кто внутри настоятельно требовал рассказать всю правду до последнего мига, поэтому плакал и писал, писал, писал. Очень быстро заполнил крупными буквами весь билет, сунул его в щелочку между стеной и комодом. Взял другой, и продолжая заливать странички чернилами вперемешку со слезами, полнил его своей ужасной пережитой смертью, а затем скинул во след первому.

Не знаю, сколько исчеркал билетов, пока вдруг не ощутил облегчение, будто внутреннее смертное онемение отпустило сердце и оно забилось снова. Прилёг на диван и заснул второй раз.

Когда проснулся – ничего не помнил.

Об испорченных документах меня спросили только через несколько месяцев, когда комод отодвигали от стены при побелке и нашли их там – высохшие, с распущенными во все стороны, как крылья чучельных птичек желтыми страницами, будто свет вечернего заката окрасил их навсегда.

– Зачем ты испортил билеты?

Я осмотрел свои каракули, не смог разобрать ни слова, и... ничего не вспомнил.

– Не знаю.

И потом, кстати, частенько хотелось что-нибудь написать. Желательно, не из учебника, а самому выдумывать. Сидел часами буквально, грыз ручку, вспоминая что-то, изображая буквенным способом события, людей. Когда писал, обязательно приходил в излишнее волнение, ощущая несвойственный обычному состоянию подъём, до слез дело не раз доходило, про какую-нибудь скворушку весеннюю пишешь, про жалкую былинку ли высохшую, а расплачешься непонятно от чего, ей богу, а так же, когда впоследствии перечитываешь написанное давным-давно, спустя год или два, происходит то же самое.

В шестом, кажется, классе, перед началом учебного года приобрёл в магазине пачку новых учебников и среди прочих книг географию. Придя домой, взялся смотреть: что за наука такая в этом году предстоит?

Открыл и буквально на первой странице был сражён невероятным, потусторонним ужасом. Бросил на пол, словно не учебник в руках, но холодный гад ползучий. Следом сам себе подивился: ведь ничего страшного на внутренней стороне обложки нарисовано не было. Обычный компас. Ну, не вполне обычный, конечно, в обычном одна стрелка с двумя разноцветными концами – синим и красным, а тут две стрелки большие, крестом пересекаясь, указывают четыре стороны света, а меж ними ещё две поменьше, для обозначения промежуточных курсов, юго-запада, к примеру, или северо-востока.

Когда привык, даже смешно делалось, а сна так и не вспомнил.

Позже это случилось. Приехал однажды в командировку в другой город, пришел в сборочный цех, согласовать некоторые вопросы.

Цех являл собою просторный, высоченный ангар с огромными воротами, ибо конструкции, в нём создававшиеся, имели гигантские размеры.

Стояли, разговаривали с местным знакомым инженером не на производственную тему, так что-то просто смеялись, и вдруг резко, без всякой паузы испытал ужасающую, беспредельную смертную тоску от того только, что ворота за спиной затряслись скрежеща, и поехали отворяться.

Сразу вспомнилось, ударило, потрясло: пустой храм, хлынувшая в него тёмная, безлика, разъярённая толпа и последнее из виденного: знаки сторон света на мраморном полу, стоя на которых, прямясь из последних сил, обмерла неизвестная.

УГОЛ ОТРАЖЕНИЯ

К половине десятого утра из кухни по всей квартире распространился запах сладкого пирога с ванилью.

Иван Петрович включил телевизор, прошелся вокруг стола, размышляя над тем, с чего бы начать разборку ненужных вещей – давно уже руки чесались вынести весь хлам вон, оставив только самое-самое необходимое.

«Чем пять лет не пользовался – выброшу подчистую», – дал себе зарок, открывая дверь в кладовку – темнушку, до отказа набитую какими-то ветхими коробками, облезлыми чемоданами, свернутыми в трубы старыми паласами.

Вся двухкомнатная квартира явилась ему сейчас складом ненужных вещей, настолько тесным, пыльным и затхлым, что ни повернуться, ни вздохнуть здесь толком нельзя, в то время как он с утра, напротив, ощущает острую потребность в просторе, свежем воздухе, чистоте.

Аромат свежеиспеченного пирога перебил критический настрой.

Пирог пекла Дуняша – пенсионерка, живущая этажом ниже, по старинному семейному рецепту, которым с ней давным-давно поделилась жена Ивана Петровича, ныне покойная Силиция Матвеевна.

Аромат из дуняшиной кухни по вентиляции попадал прямо к нему, так как Иван Петрович за состоянием своей части воздуховода следил, регулярно снимал решетку и чистил, докуда рука доставала, а вот соседи выше явно ленились.

Одновременно с мыслью о неисправной вентиляции, запах пирога легко перенес его в прошлые времена, возродив смутную надежду, что выйдет из кухни жена, сядут они за стол да начнут пить чай, глядя по телевизору свою любимую передачу «Пока все дома».

Супруга приказала долго жить более года назад. Платья, пальто, плащи, кофточки с жакетами по-прежнему висели на плечиках в двух шифоньерах и тоже требовали разборки.

«Лучше на кладбище сегодня съезжу», – решил Иван Петрович.

Глянул в окно.

Погода на улице отвратная, сумрачно-мартовская: повсеместно раскисла снеговая каша, не дающая ни людям прохода, ни машинам проезда. Голые ветви тополей и кленов гнутся в порывах ветра, из низких туч то сеется мелкий дождичек, то снежную крупу пуляет густыми зарядами. Осевшие сугробы исходят грязной жижей.

Гололедица страшная. Подскользнёшься, упадёшь, и, пожалуйста, – перелом обеспечен, а ухаживать, между прочим, некому.

Нет, рисковать не стоит. Пусть распогодится, каша стаёт, асфальт подсохнет на солнышке. Тогда. В апреле-мае, на родительский день.

Кстати говоря, Дуняша не далее как вчера приглашала в гости на пирог. Она всегда зовет на чай, если встречаются у подъезда, но сама, между прочим, ни разу не наведлась, как прежде-то, при Силиции Матвеевне.

Когда Силиция Матвеевна внезапно приказала долго жить – вечером легла спать, даже не кашлянула, а утром не проснулась, Иван Петрович гостеприимство слегка ограничил. Здороваются, и вполне, знаете ли,

достаточно. Это женщины были в приятельских отношениях, а он с боку припека.

Одиночество приятнее разговоров, для общения ему телевизора вполне хватает. Вовремя не выключишь – все уши прожужжит.

Так что звать на чай Дуняша зовет, но сама ни-ни. Понимающая женщина.

Ощущая легкое разочарование от досужего начала воскресного дня, ранней усталости во всем теле, будто много-много уже потрудился, Сабельников с чаем решил повременить. Телевизор можно смотреть не в зале, а на кровати в спальне, где пылится с доисторических пор черно-белый телевизор «Рекорд», очень удобно расположенный в ногах, на полке, – лежи и смотри.

Он закрыл кладовку, прошел в спальню, тяжело усевшись на свою постель, причем стукнулся о чемодан под кроватью. Критический настрой против старья возродился в прежних размерах: пора, пора настала расстаться с хламом. Сколько можно терпеть?

Куда ему два шифоньера битком набитых шмутками? Еще распашонки детские хранятся! Жена любила достать вечером, на сон грядущий, и восхититься: смотри, какие маленькие детки были, будто для кукол сшито! Согласен, были, и что? Теперь-то вона вымахали, давно живут отдельно, в других городах, так своею жизнью поглащённые, что забывают поздравить отца с днем рождения. Через неделю опомнятся, звонят, смеются: пятый день пьем твое здоровье! И он смеется, только распашонки к чему сорок лет хранить?

А чемоданы под кроватями? Как в студенческом общежитии, стыдоба!

Кряхтя от натуги, выволок за перемотанную проволокой ручку фибровый чемоданище с металлическими уголками, доверху набитый фотографиями начала их с женой совместной семейной жизни. Еще где-то один подобный в кладовке пылится, с продолжением семейной жизни. О, господи! Сколько хлопот и себе и людям!

По молодости лет Иван Петрович очень увлекался фотографией, но высот в этом деле не достиг, беря не качеством, а количеством произведенных снимков. Ему тогда почему-то казалось, что впоследствии снимки эти будут кому-то чрезвычайно интересны. Вот, допустим, придут к ним лет через десять-пятнадцать гости, хорошие знакомые, увидят фотографии, сядут и восхитятся от души – тому, какими они были с супругой молодыми, куда ездили, что видели. По вечерам народ будет сидеть за столом – смотреть, рассматривать на сто раз те карточки, где все вместе, вспоминать, громко восторгаться: надо же! Вот люди пожили! Вот поехали! Все посмотрели!

Полагал он также, что дети с внуками тоже, небось, будут просить ежевечерне рассказывать им историю каждой карточки, а там, глядишь, и правнуки подключатся к изучению достославной эпопеи, как замечательно и увлекательно жили их предтечи. Самим тоже весьма любопытно, знаете ли,

на старости лет поворошить на досуге годы молодые. А, Силиция Матвеевна?

Он наивно представлял старость, будто человек остается прежним, и лишь работать ему не надо будет, выйдет по годам на пенсию и можно сидеть дома за столом сколько влезет, чай попивать с плюшками, фотографии разбирать, наслаждаться необыкновенными видами: вот они с женой и группой товарищей в Евпатории на экскурсии, вот в Туапсе меж настоящих пальм. Смотрите! Каспийское море! Да умереть можно от восторга!

Ни единому человеку сегодня не нужны эти чемоданы фотографий. Ни ему самому, ни знакомым. Лет сто не открывал. Когда дети приезжают в отпуск на недельку раз в год, – везут во множестве свои собственные, цветные, действительно красивые карточки, дарят их в огромных количествах, уже вставленные в удобные альбомы.

Во времена его молодости альбомы являлись великим дефицитом, посему напечатанные фотографии до сих пор хранятся в черных конвертах из-под фотобумаги, набитые плотно-плотно, там слежались, загнув края.

Этими толстыми пачками, будто деньгами, чемодан набит сверху донизу: ряд за рядом, слой за слоем. Что делать с сотнями и тысячами никому не нужных фотографий? С изображенными на них неизвестными людьми? Кому интересны компании пляжных отдыхающих, экскурсии, волейбольные и футбольные команды?

Одно только, пожалуй, ему и остается: выбросить к черту. Оставить с каждой пачки по фотке и хватит. Куда копили? На какой черный день? Или, все-таки, история? В музей какой-нибудь исторический сдать на вечное хранение, или архив, лет-то прилично прошло, почти сорок. Да нет, не примут, чего бы доброго. Выбрасывать в мусорку без сомнений! Но грусть-тоска заест. Будто собственную жизнь выкинешь. Только где она, жизнь? Все, прошла, нет ее. Ладно, пусть дети после сами выбросят. Их наследство.

Любительские, желтеющие фото на бумаге неважнецкого советского качества летят на пол, а сколько сил расстрачено было впустую на проявление пленки, бумаги! Теперь не сосчитать. Все эти растворы, проявители-закрепители, а возни, а денег, а нервов расфуфырил!

Иван Петрович доставал из чемодана пачку за пачкой, вытаскивал из конвертов плотно слежавшиеся, местами склеившиеся глянец фотографии, придирчиво всматривался сквозь очки, разыскивая среди чужих лиц себя и жену. Найдя, фыркал, небрежно кидал на пол, брал следующую.

Повсюду они снимались среди людей, в забытых ныне компаниях, и когда поодиночке или вдвоем оказываются, все равно чувствуется, что совсем рядом бурлит посторонняя людская масса, лишь случайно выпавшая из кадра. Никаких других ощущений, кроме неловкости, глядя на эти фото, сейчас у Ивана Петровича не возникает. Бессмысленная натужная радость на лицах: вон как нам хорошо живется, посмотрите! Вот какие мы здоровые, счастливые и веселые! Как будто специально для кого-то улыбаются, будто доказать кому-то хотят, что у них все в порядке.

Тогда думалось: это мгновение важно, его надо зафиксировать, запечатлеть, из него, в том числе, состоит наша великая история, а теперь, спустя годы смотришь и думаешь: кто это? Что за люди? С кем я здесь перемигиваюсь? Где мы были? А не все ли равно? Конечно, поездили в молодости с женой на славу, возражений нет.

Жену он любил.

До свадьбы – месяца два, трепетно и нежно, на расстоянии, как некое необыкновенное волшебное существо, специально для него созданное, которое может и должно осчастливить его жизнь навсегда, до самого конца.

И после свадьбы недели три-четыре, еще надеясь на что-то, но с каждым днем меньше, пока окончательно и бесповоротно не пришел к выводу: увы, брак не то чудо, которого ждал почти два года, начиная с того самого дня, когда сидел однажды дома и готовился к экзамену по оптике.

Дело было на первом курсе, в летнюю сессию.

Вокруг по комнате и на полу и на столе и на подоконнике разложены листы. Несколько открытых книг задумчиво перебирали туда-сюда страницы, благодаря легчайшим перемещениям воздуха в комнате.

К тому дню он уже немного отставал от своего плана подготовки, поэтому с раннего утра сидел, читал не отрываясь.

Будто специально для экспериментального подтверждения основных законов оптики комната оказалась насыщенной яркими световыми эффектами.

Солнечные лучи попадают сюда разными геометрическими путями, в том числе отражаясь от чисто вымытых прозрачайших стекол раскрытых окон, которые иногда вдруг начинают сами собой плавно двигаться, а белые солнечные зайчики, вслед им, мечутся из одного угла в другой, затеявая игру, от которой приходится жмуриться. Два зеркала – на подоконнике и на стене, гранями производят разноцветные спектры.

А то вдруг, неизвестно с чего, взметнется ослепительный вихрь, спастись от которого можно лишь полностью закрыв глаза. Но все равно, ему чрезвычайно приятно пребывать в этой комнате, где свежий воздух гуляет легко, как на улице.

Вдруг за дверью, сразу очень близко, послышались незнакомые голоса, мужской и женский. В растворенную дверь постучали и вошли какие-то люди, а он все сидел, не поднимая головы от учебника, ослепленный.

Прихожей в квартире нет, – с порога сразу оказываешься в жилой комнате, где сейчас много лучистого света и пахнущего утренней листвою воздуха.

Когда поднял глаза, увидел, что женщина уже вошла, а мужчина выглядывает сзади, поверх ее плеча.

Разговор начала женщина: она искала кого-то, кто жил здесь давно, десять или двадцать лет тому назад, какую-то неизвестную ему семью, называла имена, фамилии мужчин и женщин, вспоминала детей с улыбкой, будто и сейчас видит их всех и является одной из них, скорее всего именно из числа детей. Говорила женщина быстро и горячно, не давая вставить ни

слова опровержения, будто надеялась, что если доскажет всё основное правильно и полностью, то оно, прошлое, вновь материализуется, возникнет в этой лучистой разноцветной комнате по-новой, заполнит её бывшим, несомненно, счастливым бытием, в котором она существовала здесь в детстве и юности, и тогда произойдёт необходимое примирения между её душой и окружающим.

А сейчас мира нет.

Она высокая, худая, в светлом плаще и косынке, все это быстро рассказывает с улыбкой воспоминаний, а он, удивляясь, не мог определить, сколько ей лет, потому что мужчина из-за седины выглядит старым, в то время оба они явно составляют единое целое, несмотря на всю ее весеннюю, нежную говорливость.

Незнакомка всматривалась в него с требовательным выражением – будто он тоже был одним из тех, кого она сегодня разыскивает, членом исчезнувшего семейства, и только в силу каких-то скрытых, потаенных причин не желает в том сознаться. Не отворяет широких объятий, не бросается навстречу с радостным криком, отрицает всё напрочь, хотя ничего еще не успел сказать, но все равно, поступает не хорошо, не по совести.

Напор ее радости столь велик, что ему пришлось опять зажмуриться, как от попавшего в зрачок луча. Тогда только вымолвил:

– Нет, мы здесь давно живем, с самого начала.

Не обращая внимания на возникшее противоречие, женщина продолжила рассказ про мифических людей, некогда существовавших здесь, вроде бы даже и до самого начала, до построения их дома, и совершенно неважно, что он сейчас сказал ей, и что еще может сказать, а важно, что она рассказывает ему о той необыкновенно прекрасной жизни, которая имела место быть здесь, следовательно, именно ему необходимо внимательно слушать, потому что только это и есть святая правда-истина.

И он слушал.

Зато мужчине, уставшему стоять за порогом, очевидно, длительные безуспешные поиски надоели, он бросил раздраженным тоном:

– Ладно, я выйду покурю, пока вы разберетесь.

И зашагал обратно, слегка прикрыв дверь.

Оставшись без мужской поддержки, женщина, как ни в чем не бывало, даже ещё быстрее и веселее, повела свой взволнованный рассказ, полный чудесных, живописных деталей, далее, о том кто как чихал в их семействе, а «собачка Динка в тот год сломала заднюю лапу, потому что попала под проезжий автомобиль, ей наложили шину, но больше носили на руках, переименовав в Хромоножку».

Она сняла с головы косынку, чёрные волосы рассыпались по плечам. Их оказалось много – густых, обильных. Странно как умещались под косынкой, и голова при том еще показалась ему сначала слишком маленькой.

Но ей было, по-видимому, уже всё равно, что он думает, пристально её разглядывая. Продолжая бурный рассказ, она расстегнула светлый плащ, пуговицу за пуговицей, сняла его, сунула косынку в рукав, некоторое время

держала плащ, а потом, не зная куда деть, опустила прямо на пол, оставшись стоять у дверного косяка, на котором штрихами отмечался рост его и сестры, совсем голая, очень прямо, но уже молча.

В комнате остались обнажённая женщина, он – ошалевший от внезапности, сгустившаяся после её речей тишина, и очень яркий свет, преломлённый стеклами распахнутых окон, поверхностями зеркал, игравший на потолке и стенах многочисленными солнечными зайчиками.

Воздушные массы замерли, перестав шевелить страницей учебника. Сделалось жарко. Но дверь по-прежнему слегка приоткрыта, мимо нее кто-то прошел, возможно, соседка.

Площадка второго этажа представляет собой общую кухню, где стоят несколько электрических плит и столов. Вход сюда с лестницы днем всегда открыт настежь. Через окно проник тревожный запах сигаретного дыма, то курил муж женщины, устранившийся от беседы, и ожидавший её окончания во дворе под окнами их квартиры.

«Сейчас дверь распахнется и...»

Женщина стоит прямо перед ним, чуть-чуть прислонясь к стене, но круто отвернув лицо в сторону. Шея заострилась прямой длинной линией-жилой от уха до ключицы. Зайчики смело прыгают через живот и грудь.

«Всё настежь, в любое мгновение зайдёт муж... вероятно уже идёт сюда... а если запереть – толкнётся и всё поймёт».

Его переживания мгновенно исчезли, когда неизвестная вдруг повернула лицо и глянула в упор.

На скулах, подбородке блестящие заострения, нос небольшой, курносый, глаза ужасающе требовательные.

Многочисленные желания, когда-либо прежде возникавшие во снах и наяву, вспыхнули разом, быстрее зайчика он метнулся к ней, забыв про незапертую дверь, мужа, то ли еще курившего внизу под окном, то ли уже поднимающегося по лестнице на второй этаж, про соседку, готовящую обед у своего кухонного стола недалеко от их двери.

«Да, да, да, да, да...», – понятиливо вторила женщина, прижатая к стене.

Его лицо оказалось внутри копны чёрных волос, влажных, а потом и вовсе мокрых, пахнущих другим пространством и временем, теми, о которых она только что рассказывала, и он ощущал, как на голую шею и спину с их кончиков падают горячие капли неизвестной чудесной влаги.

Неожиданно очнулся стоящим перед ней на коленях, обнимая за ноги, а неизвестная уже пыталась застегнуть плащ. Он мешал. Теперь не хотелось, чтобы все закончилось так скоро, хотелось бесконечности.

Мужа по-прежнему нигде не было. И соседка не зашла – у них ведь часто летом входная дверь открыта на площадку, это означает, что дома кто-то есть и квартиру проветривают. Но даже в сквозняке пролетевшем неожиданным порывом из окна не чувствовалось присутствия табачного дыма. Может быть, сообразительный пожилой мужчина вовсе не муж, а

некий родственник, который очень вовремя сумел понять, что он лишний и ушел навсегда?

Женщина смотрела на него сверху вниз. К сожалению, он не смог запомнить тогда ее лица, хотя общее выражение запечатлелось: очень спокойное, не сказать, что чрезмерно радостное, скорее даже засыпающее.

Она все-таки застегнулась и ушла.

А с его памятью что-то стало не так. Мало сказать – не помнил лица, но и несложные оптические законы вылетели из головы напрочь. На экзамене возникли серьезные проблемы.

Позднее Иван Петрович увлекся средневековой живописью, стал собирать репродукции картин, разыскивая их где только возможно. Бывая проездом в Москве, Ленинграде, ходил по магазинам, покупал дорогие цветные альбомы.

На лицах средневековых мадонн Рафаэля и Леонардо да Винчи, особенно кормящих грудью младенцев, присутствовало искомое выражение святой, безмятежной, глубочайшей удовлетворенности, происходившее когда-то и от лица незнакомки, смотрящей на него сверху вниз, волшебной женщины, из-за которой с треском завалил летнюю сессию и чуть не вылетел из института.

В квартире ничего тогда не украли, и он не мог понять, как не пытался: что же это такое было на самом деле? Может быть, просто уснул, и ему приснилось?

Скорее всего – сон: быстрый, летний, июньский сон уставшего от законов оптики разума приснился про то, что угол падения равен углу отражения.

Однако внутри родилась насущная потребность в продолжении сновидения, почти два года с неутомимой надеждой разыскивал он незнакомку, затем женился на Силиции, которая вовсе не желала торопиться и предлагала подождать до окончания института. Силиция изначально была серьезна и разумна.

Впервые увидел ее в мае месяце, когда она прошла мимо по ступеням лестницы здания института, высокая, в косынке и светлом плаще. Надо сказать, он тоже после первого курса, когда чуть-чуть не отчислился, в значительной мере растерял детскую смешливость, сделавшись серьезным, неулыбчивым молодым человеком. Внешне они подходили друг другу, и надежда, что с ней ему будет также восхитительно солнечно, как с неизвестной, принявшей его в свои яростные объятия возле входной двери, была велика, порождая сумасшедшие упования о счастье.

После женитьбы, однако, явилось скорое разочарование, но, тем не менее, в глубине души надежда на лучшее будущее оставалась, ей одной только он и жил: ладно, пусть не всякий раз, но, может, иногда будет случаться? Раз в месяц, квартал? Раз в год? Раз в жизнь?

Да, оказалось, раз в жизнь. Но не с женой Силицией Матвеевной, которая ни о чем не догадывалась, и очень серчала, когда по молодости лет,

он зачем-то вытаскивал ее, испуганную, из недр законной супружеской постели, нёс на руках ко входной двери.

Очередная фотокарточка показала ему молодое лицо жены, слегка туманное, из-за неверного фокуса и плохой проявки пленки. Умерла, главного про мужа, с которым прожила бок о бок почти сорок лет, не узнав. Рядом его лицо, тоже слегка неясное. Черт знает что. Ведь видел же и тогда, что фотографии плохие, так зачем, спрашивается, хранил? А просто других не было.

Под пачками фотографической бумаги, на дне обнажился старенький альбомчик, принадлежавший жене еще до замужества, семейный, начала пятидесятых годов, фотографии в него не вставляли, но приклеивали насмерть, навсегда.

Иван Петрович открыл с конца, сразу наткнулся на себя, молодого студента в белой рубашке, чёрных брюках - клёш, серьезного. Жена, еще девушкой, рядом в светлом платье по моде тех лет, тоже серьезная, смотрит без тени улыбки, пока не невеста, даже вопрос не стоял. Сфотографировались вскоре после знакомства, встретились как-то на улице, постояли, поговорили о чем-то неважном да разошлись. У него с собой случайно оказался фотоаппарат – из этой серии снимок.

Он попытался вспомнить, где это было, не смог и продолжил листать альбомчик. Старые дома давно снесли, поди теперь – разбери.

Имеется еще один семейный, точно такой же, с тещей и тестем, родственниками, с детскими фотографиями. Тот не стоит выбрасывать, там действительно история. А этот охватывает небольшой период от поступления в институт до третьего курса, и остался наполовину пустым.

Ничего особенного в нем нет, несколько фотографий студенческой группы приклеено, да промежуточное время, где будущая жена Ивана Петровича, – хохочущая девушка в военно-морском черном кителе и командирской фуражке. Тогда, после войны, девушки любили рядиться в военные кителя и фотографироваться в них, сестра Лида, кстати, тоже любила. Далее еще карточки с красивым капитан-лейтенантом, Силиция рядом, радостная, и он весёлый – на природе гуляют в обнимку.

Теперь Иван Петрович вспомнил, конечно-конечно, жена показывала ему этот альбом в начале их знакомства, да, она дружила с этим моряком, чего не скрывала. Но потом на много лет альбом исчез – положили на дно семейного чемоданного архива, и с концом.

Вдруг Сабельников дрогнул. Узнал на карточке хорошо знакомое загородное место, куда вместе с женой они впоследствии много раз ездили отдыхать. Место нравилось Силиции. Каждый раз она заставляла его развести маленький костерок, и сидела возле, уйдя в себя – кидала в пламя сосновые шишки, а он неприкаянно маялся по округе.

Когда уже с детьми ездили, стало проще – они обычно играли в футбол на полянке, а она всё равно сидела возле костерка и с задумчивым видом кидала сосновые шишки, не обращая на визг, шум и крики ни малейшего внимания. Даже не сердилась.

Вот оно, значит, как: у каждого своя входная дверь с притолокой. Идёшь – забудешь, да как шибанешься, о, и вспомнил сразу!

Мелькнув единожды будто случайно, моряк пропал навсегда, на следующих листах его не было. Будущая жена выглядела здесь привычно серьезной, такой он её и застал на третьем курсе, постоянно смотревшей куда-то в даль дальнюю. Иван Петрович перевернул еще несколько страниц, опять увидел себя: серьезного студента и её, умную, неулыбчивую студентку. Два сапога пара. Может быть, и она обратила на него внимание при первой встрече из-за матросских брюк-клешей, как он на неё из-за светлого плаща и косынки?

Пенсионер осторожно поднялся, оставив фотографии валяться кипой на полу, перешагнул через них, вышел в прихожую к телефону, набрал номер.

– Доброе утро, Евдокия Капитоновна! Сегодня с утра ваш пирог так вкусно пахнет, что у меня галлюцинации начались. Хочу поприсутствовать в гости на чай. Можно?

– Приходите, Иван Петрович, – обрадовалась Дуняша, – я тут как раз вчера из погреба баночку варенья вишневого принесла.

Приодевшись в костюм с галстуком, и забыв об утренней усталости, пенсионер лихо сбежал вниз по лестнице, а после того весь день сновал туда-сюда на улицу, к мусорным контейнерам, очищая квартиру от временного хлама.

Чемодан с фотографиями отволоч в последнюю очередь, на нем и выдохся. Тяжёлый, чёрт! А ничего не стал оставлять на память, всё запихал валом, подержал на прощание в руках старенький девический альбом Силиции, где и он молодой есть и симпатичный капитан-лейтенант, но и его сунул вместе с прочим.

Опрокинул в контейнер россыпью, а поверх мусор из ведра кухонного еще дополнительно вынес, не поленился. Пустой чемодан оставил рядом стоять – вдруг кому на что сгодится?

Три старушки на скамейке у подъезда, долго следившие за этой беготней, переглянулись.

– Разошелся Петрович, – сказала бабка в толстом плюшевом пальто и костылем в руке, – бегают и бегают сегодня, как заводной.

Та, что сидела посерединке, в фуфайке, пимах на резиновом ходу, кивнула, взглянув на крайнюю с улыбочкой:

– С утра в гости к Дуняше, говорят, наведася. Такие дела.

– Отошёл, – подытожила крайняя и, вздохнув, оглянулась по сторонам, в поисках еще каких-либо изменений, случившихся на дворе за этот длинный, пасмурный, мартовский день.

РАЛЛИ

Чем спокойнее в начале рабочего дня начальник отдела ценных бумаг Эдуард Витальевич, тем более стервенеет его подчинённая Инга Вендельгейзер, готовая в любую секунду нагрубить шефу, пусть только вякнет, сволочь такая!

Начальство, понимая это, молчит и терпит.

Так уж повелось с возникновением мирового финансового кризиса, а именно после того, как в комнате из шести человек осталось двое: она и Виталич, прочих коллег отпустили в неоплачиваемый отпуск до лучших времен в связи с отсутствием клиентуры.

Умные молодые люди давным-давно сбросили пакеты акций, не очень умные понесли солидные убытки, сделались учеными пессимистами, и при этом, естественно, никто Инге не улыбался, как прежде при росте рынка, роз с благодарностью не дарил, новых покупок акций не совершал – дураков нет. Наступил мёртвый сезон.

Вдобавок, начальник перестал ездить на своём белом мерседесе, определив на зимний прикол в гараж, будто какой-нибудь жигуль, а значит вечерами подвозить её стало совсем некому.

Инга дулась, дерзила, не разговаривала.

Уставившись в экран монитора на сводки с ММВБ, могла даже послать руководителя куда подальше, благо посторонние наблюдатели в комнате отсутствовали, в то время как Эдуард Витальевич преспокойненько взирал на гневный профиль, улыбался отечески ласково, касаясь тут и там взором элегантного делового наряда, состоящего из нескольких прикидов-разлетаек в три оттенка чёрного цвета, предвкушая скорый обеденный перерыв.

Дело в том, что полгода назад, ещё до финансового кризиса, весной, в апреле месяце Виталич соблазнил Ингу. Не подумайте, пожалуйста, что случилось это по пьяной лавочке после корпоративной вечеринки в его белом мерседесе, нет-нет, упаси господь. И, конечно же, не в том, всем хорошо известном закоулке ближнего к банку ресторана “Плаза”, непосредственно за кухней, вторая дверь по коридорчику налево, куда официантка за тыщу рублей пускает на полчаса сбить жар излишне раздухарившиеся от танцев да коньяка парочки, и где стоит один только длинный-предлинный, блестящий, металлический стол из нержавеющей стали для разделки туш, с вмонтированными в кафельный пол ножками да ванная, а больше ничего нет.

Нет, нет и ещё раз нет!

Следует признать, Эдуард Витальевич ухаживал чрезвычайно красиво. Смотрел восхищённо, молча вздыхал, каждый день после работы подвозил девушку на белом мерседесе домой и при том даже не пытался себе ничего такого позволить, что хотя бы в малейшей степени могло омрачить их светлые отношения (хотя прекрасно знал, что молодые люди, привозившие

цветочек в подарок и вечером забиравшие Вендельгейзер с собой, позволяли очень многое, практически всё), даже поцелуйчика в щёчку на прощание ни-ни, руку и то не отваживался чмокнуть.

Сорок лет человеку, женат, семьянин, а вот поди ж ты – влюбился, но чисто платонически. Зато цветы дарил ко всем праздникам, какие только существуют в календарях мира. Не на глазах родного коллектива, разумеется, а когда скажет она: “Спасибо, Эдуард Витальевич”, откроет дверцу авто, один каблучок на асфальт выставит, привстанет, тут он шикарно упакованный подарочек и вручит, а отказаться не получится из-за неудобной раскоряченной позы. К цветам иногда полагались духи или маленькая коробочка очень дорогих конфет.

Он ей признавался совершенно откровенно: если чего не дарит больше трёх дней, то хандра нападает такая, что жить не хочется. Как не взять после таких признаний? Везёт как-то начальник подчинённую домой в тот день, когда никто из молодых акционеров не удосужился пригласить покататься вечером, и спрашивает: “А не хотите глянуть мою новую евро-квартиру?”. Вендельгейзер не справилась с любопытством, сказала: “Хочу”.

С чего-то показалось ей в тот момент, что квартиру новую влюблённый по уши начальник купил лично для неё. И будет у Инги теперь евро-квартира в центре сто с лишним квадратов за красивые чёрные глаза. Но ведь и правда, если разобраться, для неё старался Виталич, только не купил стометровку, разумеется, такой глупости и мыслях не было, а просто снял на месяц за бешеные деньги, чтобы пригласить девушку, вдруг придёт?

Инга пришла и позволила себя соблазнить в шикарно меблированных условиях студии-спальни с прилегающей ванной-джакузи. По истечению срока аренды Виталич объявил собственный финансовый кризис, несколько даже ранее общемирового, после чего гнёздышком для служебного романа стала служить двухкомнатная квартира советского образца, в скорости павшая под ударами американской ипотеки. Вот тогда разгоревшиеся жарким костром отношения легко перенесли в белый скоростной мерседес, о котором все думают нехорошо с самого начала. А ныне и мерседес встал на зимний прикол.

Сволочь страшная, этот Эдуард Витальевич! Скупердяй невероятный: даже скромненькие цветочки перестал дарить, про духи говорить нечего, жмотиной самой настоящей оказался. Хотя по-прежнему уверяет, что любит и глядит всё утро на подчинённую Вендельгейзер с прежней платонически-нежной тоской.

Делать Эдуарду Витальевичу абсолютно нечего, любые отчёты за любые периоды с любой тематической разбивкой можно выдать, нажав на кнопку за одну секунду, система до мелочей отлажена в предыдущие года ралли на российском рынке акций, когда жизнь в кабинете бурлила и кипела. Сегодня получение необходимых документов занимает от силы минут десять в день, ещё час уходит на разного рода совещания у начальства и пятиминутки, остальное время, за отсутствием реальной работы с клиентами, полностью свободно. Поэтому с одиннадцать часов Эдуард Витальевич

начинает демонстративно готовиться к главному удовольствию в своей сорокалетней жизни: обеду. То бишь, идёт мыть руки.

По возвращению непременно сообщает в изюмно-ласковой тональности, как бы никому конкретно, но чтобы присутствующие были в курсе его намерений: “Мужчина должен быть чистоплотным” и достав из холодильника необходимые продукты, приступает к сооружению главного блюда.

Инга громко фыркает, её бесит эта фраза и ужасно раздражает абсолютно ни на чем не основанная нагловатая убеждённая начальства, что обед они проведут вместе. С чего решил? Спросил её, захочет ли она с ним сегодня обедать? Может быть, у неё другие планы?

Однако Эдуарда Витальевича мнение сотрудницы абсолютно не интересует.

Да и какие могут быть другие планы, когда ни одного клиента с утра? Никто не пригласил сотрудницу отдела ценных бумаг Ингу Вендельгейзер прокатиться до кафе в обеденный перерыв, тем более не преподнёс голландской розы на длинном стебле и не пообещал устроить в ресторане праздничный ужин на двоих при свечах.

Исчезли хорошие мальчики с деньгами и кабриолетами по случаю того же финансового кризиса, остался один лишь зимний Эдуард Витальевич без своего белого мерседеса да вообще безлошадный Никита, третий раз за три года ухаживаний предложивший ей выйти за него замуж. Первые два раза Вендельгейзер отказывала Никите с веселым жизнерадостным смехом, последний раз со вздохом констатировала, что подумает.

Хотя о чём, собственно, думать? Ну, есть, есть у неё знакомый юноша, чего греха таить, окончивший энергетический факультет Политехнического, работающий в фирме по установке газовых котельных. Приходится ему много мотаться по командировкам: сёлам и северам. Инга в курсе, что командировки длительные, две недели минимум: моряк, короче, сухопутный этот Никита. Своей квартиры не имеет, живёт с родителями в двухкомнатной хрущёвке, хотя и намекает, что может взять кредит под ипотеку, а поди сегодня возьми его, облезешь потом проценты выплачивать. Машина также отсутствует.

Зарабатывает по местным меркам средне, тысяч пятнадцать-двадцать, о зарплате она сразу спросила – в лицо. С ипотекой однозначно зубы придётся класть на полку. Зато цветы дарит не единичными экземплярами, но букетами, и не перед походом в ресторан в преддверии безумного секса, а ко дню рождения или просто для счастья. Ни разу пока не трахнул. Целовались исключительно под шальное настроение Инги, по её мнению чрезмерно благовоспитанный инженер-энергетик попался: мечтает сначала жениться, а уже затем.

Но Вендельгейзер возвращена в иных природных условиях. Ранее Никита был ей просто смешон, придерживала возле себя даже не на всякий случай, а так, для разнообразия, что бы было над кем хихикать с подружками, к тому

же интересно, как это некоторые могут годами дружить, любить без этого самого, короче, без секса.

Сама же молоденькая интересная брокерша постоянно пребывала в фонтане разнообразнейших отношений с интересными, молодыми, современными трейдерами на иномарках, умело пользующимися контрацептивами и ею. Все они – её клиенты. По отделу ценных бумаг, разумеется. Жаль, в связи с финансовым кризисом молодые люди куда-то неприлично резко испарились, Инга будто в вакууме осталась. Сорокалетний, женатый, благообразный Эдуард Витальевич не в счёт.

Куда ни кинь, единственная реальная ближайшая перспектива – Никита.

Или начнётся-таки снова ралли на мировом рынке? Аналитики в разброде. Одни обещают два-три года всеобщего мирового падения, рецессии, в лучшем случае бокового тренда, значит, мальчиков у неё точно не будет. Два-три года? С ума сойти. Другие обещают в самом скором времени предновогоднее ралли, ой, как здорово бы, но что-то не верится.

Подумала-подумала, а и впрямь пора мыслить о перспективе – выставила Никитке условие: бракосочетание должно быть устроено на высшем уровне: белый длинный кадиллак, ресторан “Престиж”, свадебное путешествие и медовый месяц на Багамах.

Если потянет такую нагрузку, можно рискнуть пожить для интереса и семьёй. “Сделаю, – обрадовался Никита, – к июню всё подготовлю, хорошо?” А на дворе, между прочим, ноябрь. “Ладно, женишок”, – согласилась Вендельгейзер, – так и быть, полгода жду”. И вздохнула: излишне скучноват молодой человек в своей порядочности. Наглецы ей почему-то гораздо больше нравятся.

После того Никита исчез, как сквозь землю провалился, заключив договор с каким-нибудь дьяволом, где искать – непонятно, да и что с него взять, готовит, наверное, свадебное путешествие: котлы газовые устанавливает, деньги зарабатывает.

Эдуард Витальевич, кстати, про Никиту ничего не знает. Думает, что он один для неё остался свет в окошке, вон какой представительный сидит, аж сияет весь от удовольствия. Раньше менее демонстрировал свои права, гад ползучий.

Раньше, что ни день – новое свидание предстояло, цветы, интересные лица, после работы в лимузин и в кафе или ресторан, потом на шикарную квартиру, или прямо в том же роскошном лимузине с тонированными стёклами на улице, рядом с прохожими. Со временем в лимузинах ей даже почему-то больше всего нравится стало. А этот гад мерседес на прикол поставил, бережёт.

–Гад паршивый, – произнесла доверчиво Инга экрану, затем добавила, посмотрев на Эдуарда Витальевича, – мерзкий, вонючий старикашка.

Явный, между прочим, перебор. Туалетная вода, коей пользуется Виталич – лучшая в банке, что признаётся всеми сотрудницами без исключения и молодыми и не очень, особенно теми, которые не очень –

сексапильно пахнущий мужчина. Идут из туалета, в узеньком коридорчике встретят, так всего обнюхают с ног до головы, аж крышками носов трепещут при этом.

Только что Виталич ходил по тому коридору, спускался в кассовый зал, и, кстати говоря, заметил гражданина странного вида, который долго-долго дожидался у окошечка информации, аж взопрел весь: перевели на его сберкнижку деньги или нет, а у кассирши как раз компьютер подвис. Кассирша – блатная племянница начальника отдела кадров, начальник информатизации – родственник директора, так что система через пять минут во всем банке виснет и висит не менее полчаса каждый раз. Вспомнив смешного гражданина, ждущего денег у окошечка с малохольно распаренным видом, Виталич решил подшутить над коллегой.

– Знаете, дорогая Инга, когда долгожданное ваше ралли начнётся? Мне на днях в высших финансовых сферах поведали стопроцентную примету. Существует, оказывается такое событие, которого ждут все без исключения брокерские фирмы.

Вендельгейзер хотела ещё раз сказать “Гад паршивый” или чего сочнее ввернуть, но так по ралли соскучилась сверх всяких сил, что спросила по-мужски отрывисто:

– Что за примета?

– Сейчас в брокерских компаниях все сидят и ждут клиента одного. Старого советского еврея самого затрапезного вида в замшевой облезлой курточке почему-то коричневого цвета, зеленоватом кепи, с седой бородкой, обычного пенсионера. Тот природным своим тысячелетним генетическим нюхом должен учуять дно рынка и притащить все свои денежки разом, достав их предварительно из матраса, на котором спит, чтобы закупить акций да сорвать крупный куш на ралли, после чего, как полагается, набить зелененькими уже не тощенький матрасик, а большенькую перинку.

– Товарищ Славкин, вы мне лапшу на уши не вешайте, ладно?

– Почём купил, за то и продаю.

– Поэтому всегда в прогаре: ни квартиры за вами собственной не числится, ни машины. Всё тётчино, свои только жена и дети.

Начальник на демарш бровью не повёл.

Ему что? Он расходы под кризис удачно сооптимизировал, лишних людей из отдела, комнаты и платежной ведомости устранил, начальство тем удовлетворив полной мерой. Девицу подчинённую под рукой держит. С гонором девица, а и ничего, зато никуда возить не надо, апартаменты можно не снимать. Во времени, опять же, экономия приличная, оклад идёт и слава богу. Премий не стало, а вы думаете, дёшево жилплощадь обходится? Ещё и выиграл на кафе и ресторанах для Инги. Попользовалась им девушка – хватит, пора и честь знать, пусть домой на маршрутке добирается, в темноте по льду бежит от остановки до подъезда, раз такая молодая да энергичная. Нынче всем трудно. Поцарила – довольно. Виталича кризис финансовый абсолютно не волнует, на фига ему это ралли сдалось? Опять шум-гам,

топот, работы по горло в условиях жёсткой мужской конкуренции, когда клиенты воруют красотку прямо с рабочего места, а кругом четыре пары острых бабских глаз. Квартиру снимай шикарную, вози её, развлекай, потом явишься домой за полночь, ещё и жена голову мылит. Нет, у себя в кабинете много сподручнее молоденькую, подающую большие надежды стерву жизни учить.

Тугая входная дверь скрипнула на пару сантиметров.

Инга метнула острый взгляд в щель. Неужели клиент какой ожил? Хорошо бы на красном феррари. Красного феррари в её практике вождения ещё не случалось, потому мечтала о нём, как о повышении зарплаты ровно в два раза.

Дверь хлопнулась на место. Ага, первый раз человек к ним попытался войти, не знает местных особенностей – это обнадёживает. Но слабак, слабак.

Ну вот, наконец-то, дверь натужно скрипнула и на второй раз отворилась, через порог испуганно впал гражданин в поношенной зеленоватой кепке, выдавшей вида замшевой куртке с унылым морщинистым лицом. Пенсионер с седой козлиной бородкой.

– Мне бы брокерский счет открыть, можно?

Смотрите, и правда клиент! А то Виталич решил, что гражданин дверьми ошибся.

– Проходите, присаживайтесь, – Инга указала на кресло, даже для порядка не улыбнувшись.

Её фирменной фишкой была не приветливость, а отточенный стилет деловой вежливости, граничащей с надменностью.

– Хочу акций купить, – вошедший стеснительно прихватил козлиную бородку в горсть, – вот моя сберкнижка, с неё перечислить надо.

Всё объяснили человеку знающие люди. Инга приступила к оформлению брокерского счета с ксерокопирования паспорта да ИНН. Начальник вызвался помогать, уж очень хотел узнать фамилию, имя, отчество, вдруг и правда, главный человек сезона пожаловал в их отдел? Вендельгейзер предоставила ему такую возможность замолить вчерашние наглости, которые пришлось выслушать на обеденном перерыве, пусть подсуетится, с его животиком полезно двигаться.

ФИО оказалось не еврейским. “Жаль”, – сквасил выражение Виталич.

До обеденного перерыва Инга успела оформить пенсионеру брокерский счет и отослала в операционный зал переводить на него деньги. “Потом приходите, ещё успеем сегодня отправить в Москву”.

Начальник отдела ценных бумаг нарезал сыр кубиками, открыл баночку маслин, баночку оливок и начал, оттопыривая и чувственно облизывая тонкие губы, медленно, нежно их пронзать, нанизывая на шпажки по очереди: черненькую маслину, кусочек светлого украинского сыра, зелененькую оливку, кубик темного “Тартюфа”. Это главное любовное блюдо для Инги, с рук кормиться девушка будет, не пройдет и десяти минут, не смотри, что сейчас гадюкой шипит. В обеденный перерыв замирится.

И точно, без пяти минут обед, Инга подошла к столу начальства, словно кто толкал её в пружинистую спинку – пробовать маслины с сыром. Виталич быстренько закрыл дверь на замок, крепко прижал девицу к себе одной рукой, другой начал кормить.

Вендельгейзер хмурилась: “Не раздавите”, но рот для маслин и сыра отворяла послушно.

Кормить досыта, естественно, никто её здесь не собирался, попутно, в минуту была разоблачена и небрежно кинута на свободный стол, потом на все прочие столы по очереди, со сбрасыванием бумаг, грубо и непристойно, и тогда царил уже гневный начальник, тихо, презрительно и отчётливо выговаривая ей, какая она есть дрянь и мерзавка. Грязная шлюшка, прошаркавшая своей задницей все лимузины города. И за то как она себя мерзопакостно ведёт, придётся нести ей кару всю оставшуюся жизнь и как сегодня, так он с ней будет поступать всегда, во веки веков! Головёнка проткнутой, как маслина шпажкой, Инги, моталась на тряпичной шее во все стороны, однако голые ножки дрыгались произвольно бойко, энергично даже, выказывая желание в продолжении самого сурового наказания, синтетический, не мнущийся наряд был пошит таким образом, чтобы оставаться на обнажённом теле, откинувшись назад, местами порхал чёрными крылышками раздраконенного падшего ангела на спине, местами служба некой подстилкой, ничем не мешая процессу.

Когда всё было кончено, начальник мигом утерять к подчиненной интерес, даже вроде и совсем перестав замечать в качестве одушевлённого объекта скорых наслаждений, обошел стороной с неудовольствием и явной брезгливостью ещё бессильно свисавшие со стола стройные ножки, о которые за утро обмозолил глаза, и усевшись на место, начал с аппетитом поглощать всё подряд.

Перейдя в ранг ненужной и даже лишней в жизни начальства вещицы, Вендельгейзер торопливо привела себя и окружающее пространство в порядок: подобрала с полу и разложила на столах уроненные вещи, соотнес их к прежнему виду, будто ничего здесь не случилось только что ни ужасного ни прекрасного, так себе, обычный обеденный перерыв на двоих, мигом сорвалась в туалет.

Когда вернулась, сама закрыла дверь на замок, посмотрела в лицо Виталичу жалобно, словно просясь уйти пораньше с работы, присела рядом, не рядом даже, а подле. Осторожно приникла и положила голову на мужское плечо, растекшись, расслабившись, ни о чем не думая, ни на кого не злясь, томная, сонная, не похожая на утреннюю стерву Ингу Вендельгейзер.

– Не мешай, отвали, – сморщилось начальство, – лопай, да иди на свое место.

– Не хочу есть, рядом, Эдичка, посижу немножечко, ладно?

Но Эдичка не позволил, стряхнул.

Села сзади, обняла за перетянутый ремнём тугий живот, в котором что-то ещё бултыхалось и билось в прежнем бешеном ритме, прижалась

щекой к спине. Там тоже билось. За спиной она не мешала Виталичу насыщаться, восстанавливать потраченные на неё калории.

Эдуард терпел: куда деваться? Но убей, не мог сейчас простого вопроса сам для себя уяснить: зачем почти полгода снимал для этой козы драной отдельную квартиру, водил по ресторанам, для чего? Внезапное открытие ненужности огромных усилий было, конечно же, временным, сиюминутным и скоропроходящим, а все равно подавляло настолько, что он морщился от него, как от острой зубной боли.

В конце обеденного перерыва закрытую дверь снова попытались открыть, не получилось.

–Идите на рабочее место, – приказал начальник.

Инга поднялась на непослушных, вздрагивающих рефлексивно ногах, дотопала вполуприсядь до своего креслица без подлокотников, впрочем присела уже вполне стройно, сощурила глаза в зеркальце и произнесла с прежним, утренним выражением: “Поддонк вонючий”.

В голову вернулись мысли о Никите, прервавшиеся тотчас, как только охватил её Виталич, начав кормить со шпакки сыром с маслинами да оливками.

И мысли те были печальные. Вот даже если ралли фондового рынка в ближайшие полгода не случится, а Никита найдёт денег для свадьбы-женитьбы по высшему классу и медового месяца на Багамах, даже в этом случае Виталич запросто может устроить ей гигантскую подлянку.

Потому что если ралли не будет, а она станет замужней дамой, эта тварь окончательно распояшется, перестанет пользоваться контрацептивами исключительно по низости мужской природы, и ей придётся родить ребенка от него, а не от законного мужа. И никуда, ведь, не денешься.

Никите по командировкам предстоит мотаться, деньги зарабатывать, а значит, встречаться будут очень-очень редко, зато без ралли с Виталичем придётся каждый божий день обедать вместе и вдвоём. Свинья Эдик из соображений собственной экономии больше никого на работу не возьмёт, чтобы она вкалывала здесь за всех в рабочее, а особенно обеденное время, а может статься и вечернее придётся прихватывать тоже, когда начальству того захочется.

Он же ей из подлости специально своего ребенка подсунет, чтобы привязать навсегда к себе. Ой, да он ей столько детей настрогает, что Никита никогда из командировок не вылезет, зарабатывая на всех деньги. Вот гад какой этот Эдик – подумать страшно.

А родив ребенка от Виталича, она не сможет расстаться с ним никогда, будет цепляться, даже если отпिनываться в обед станет, это Инга отлично понимала. Теперь ей сделалась ясной до конца его речь насчет того, что вечно она будет под ним на столах пыхтеть. Вот боров вонючий! Да и ладно, чёрт с ним, с гадом. Конечно, не ралли тогда предстоит, но всё-таки жить повеселее, чем с одним-единственным пешеходом Никитой. Но без последнего Никиты уже совсем хоть вешайся.

«Здро́во рассуждая, – навела Вендельгейзер тени, – не век же Эдик будет свой мерседес в гараже прятать, по весне повезёт кататься, чёрт плешивый! Сидит, усмехается, делает вид, будто мысли читает. Вот убила бы на месте, гада ползучего!».

Дверь нату́жно отворилась, в комнату кое-как протолкнулся прежний гражданин в коричневой облезлой замше. Кепочку держал в руках, как посетитель собеса, упарился в окошечко очередь дожидаться, сомлел, расстегнулся весь, рассупонился, но лицом по-прежнему бледен и взгляд меланхолический. Пессимист какой-то, ей богу.

– Проходите, присаживайтесь, какие акции покупать будете?

Инга согнулась над столом, открыв папочку с документами на нового клиента, и стандартным образом представив ему непосредственно под нос прямоугольный вырез на груди, очень соблазнительный под прозрачным нейлоном. Хоть и не собиралась, а по привычке застарелой получилось.

– Сбербанк, обычные.

“Из дурдома сбежал, что ли?”

Седоватый пессимист скользнул глазами по вырезу, высокому псевдо-глухому воротничку, намекавшему на чистоту и непорочность учащих прежних времён: “Гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные”. В прямоугольном вырезе грудь смотрелась желтоватой, напоминая восковую натуру мадам Тюссо и опечалился еще больше.

Прежний-то молодеватый посетитель, небось, возрадовался бы близости молодой женской натуры, сделался энергичным, улыбчивым, этот нет. Мельком глянул на Виталича, что-то и в виде руководства отдела ценных бумаг тоже его не удовлетворило, шмыгнул носом, опечалился пуще прежнего. И сама их комната ему не нравилась, Инга видела это, поэтому решила срочно ковать железо.

– Сегодня же деньги будут в Москве, операция перевода занимает около двух часов в среднем. Учитывая смещение московского времени, покупка произойдёт во второй половине дня. Вчера Сбербанк дорос до двадцати шести рублей с копейками. Сегодня будем покупать?

“Дорос до двадцати шести, – хмыкнул внутренне клиент, – а недавно был сто десять”.

– Да, мне бы сегодня желательно. Или планку установить?

Он пошарил взглядом по углам, неожиданно лихо зыркнул в корзину у соседнего стола, где заканчивался бурный секс Инги с начальством на обеденном перерыве и вообще нахмурился.

Вендельгейзер ощутила, что посетитель непонятным образом догадался какого рода обед они только что провели на пару с начальником, чёрт знает откуда, не потому ли, что грудь как-то неловко лежит в бюстгальтере и несимметричность её расположения заметна пожилому предвзятому взгляду? “Ну и черт с тобой, мерзавец, – подумала привычно, – нашёлся здесь, соглядатай, вот раскручу сейчас на полную катушку, узнаешь тогда, как на бирже играть сбербанковскими акциями!”

– Если планку установите, при росте цен можете ни сегодня не купить, ни на неделе, ни за месяц, смотря как будет подниматься рынок. Мы предлагаем заключить договор на сегодняшнюю покупку только по текущей цене, какая будет на ММВБ в момент прихода туда денег. Решайте сами.

Смяла чистый лист бумаги, швырнула в урну, куда заглянул посетитель, что бы прикрыть использованный презерватив, сброшенный Виталичем.

“Грязный, паршивый ублюдок!”

Несмотря на то, что последнее молчаливое восклицание имело единственное число, относилось оно к ним обоим в равной степени: и мерзкому вонючему Эдику и пессимисту-старикашке.

– А как вы считает?

Инга выразительно пожала плечами. С известным, впрочем, раздражением: советов здесь не дают! Пенсионер мигом среагировал на негативное к его поведению отношение, сник окончательно:

– Ну, давайте по текущей цене покупать, но чтобы тогда точно сегодня.

– Какая сумма?

– Двести тысяч.

Заворочался в своём кресле начальник, завылгядывал из-за гладко обтянутой блестящим иссиня-чёрным шёлком задницы Инги посмотреть ещё раз на клиента: вдруг действительно тот самый старик, предвестник новогоднего ралли? Не с пенсии же накопил такую сумму? И не кредит взял под пенсию в Сбербанке!

Инга срочно распечатывала одну за другой бумажки, совала под нос клиента, а тот расписывался, расписывался, расписывался в бешеном ритме, ею заданном, не то читать некогда, росчерк едва успевал сделать, а уже следующая бумага из принтера горячим блином выскакивает!

Эх, попалась птичка, стой, не уйдешь из сети! Не расстанусь я с тобой ни за что на свете!

“Нет, это не предвестник ралли, – с некоторой жалостью даже наблюдал за костлявой рукой, выводящей росчерк, подумал Эдуард Витальевич, – дурашка какая-то редчайшая прискакала. А где, спрашивается, пряталась столько лет со своими двумястами тысячами? И нет ли в том заповедном местечке ещё парочки подобных дураш? Главное, даже Газпрома ему не надо, подай – принеси акции Сбербанка! И это после того, как Греф только что обул всю страну своим «народным» акционированием. Оборзеть можно, каких дуралеев рождает родина!”

А Инга решала про себя другой вопрос: откуда ей известен взгляд старика? Самого она точно никогда не видела, а взгляд знакомый, простоватый, но судящий. Не суди, да не судим будешь!

– За выпиской завтра придёте, сколько и почём приобретут вам акций. Согласно условиям договора, покупка будет сделана обязательно сегодня, – выпроводила Инга старика вон.

После чего достала из урны презерватив, кинула на стол шефа: “Спрячь, идиот, уборщицы увидят!”. И окончательно возвратилась в злое утреннее настроение, помня всё-всё до единого слова, какими кличками награждал её гад в обеденный перерыв, таская по столам и вчера и сегодня и третьего дня – пламя забушевало внутри, будто в топке газовой котельной Никиты.

С утра даже сорвать на начальстве злобу толком не успела – явился прежний унылый посетитель. Она представила на минутку, как ещё более вытянется козлиная физиономия, когда увидит, по какой “текущей” цене в Москве обули лоха и приветливо улыбнулась. Цена оказалась выше средней дневной на двадцать процентов. На графике хилых продаж Сбербанка среди общего падения эта покупка выглядела взметнувшейся к облакам ниточкой.

Ничего не говоря, сунула покупателю бумагу и засобиралась уходить на учёбу. Пусть Эдик разбирается с клиентом, если тот вздумает возмущаться, его прерогатива – остужать недовольных! Такой покупке даже всеобщее ралли не поможет. А вот, не суди, дрянь такая, не заглядывай в чужие урны, коли сам идиот!

Потерявший дар речи старик молча разглядывал бумагу, поворачивая так и этак.

– Хорошо, – произнёс он с явным удовлетворением, – очень хорошо! Даже, я бы сказал, замечательно. И рынок сегодня снова упал. Года два, думаю, не оклемается, а Сбербанк и того дольше.

– Не надо было тогда покупать!

– Конечно не надо, – кивнул козлиной бородкой гражданин. – Да себе бы я ни за что Сбербанк не взял, да и ничего бы не взял, но Сбербанк особенно. Сам здесь работал прежде, знаю гнилую структуру: всё через зад делается, долго, с ошибками бесконечными, на невыгодных условиях. Давно ли деньги на сберкнижках у всего народа разом похерили? И как с гуся вода. Сейчас опять за старое взялись. Ещё в наши времена придумали эти акции, чтобы зарплату ими выплачивать персоналу. Или акциями бери, или лампочками с соседнего завода. Я лампочками предпочитал и правильно делал!

– А зачем нынче накупили?

– Сын попросил. Взял кредит двести тысяч на два года, двести пятьдесят тысяч ему теперь предстоит выплатить.

– Что же не остановили, раз всё знаете?

– А зачем? Пускай. Влюблённого человека останавливать бесполезно. Пока он на любви своей дурной не погорит до основания, ничем ему помочь невозможно. Конечно, будь девушка нормальная, тогда другое дело, переубедил бы в два счета. Но ведь выжига попалась – не приведи господь, в офисе работает, так со всеми клиентами переспала, её “леди роза” зовут, розу ей ставишь, на ночь – твоя, это мне знакомая бухгалтерша поведала банковская.

Сейчас кризис, клиентов у неё не стало, так на обеденном перерыве с начальником прямо в кабинете ... представляете нонсенс? Сыну про то разве скажешь?

Конечно, нет. Она условие ему выставила – свадьба шикарная и на Багамы. Сынок кредит взял, на ралли надеется, что за полгода курс акций Сбербанка вырастет рублей до семидесяти пяти, тогда ему на всё про всё хватит. Только ралли вашего долгонько ещё не будет, а значит, ни свадьбы, ни Багам.

Вместо того безвылазно на северах вкалывать предстоит и никуда не денешься – кредит надо выплачивать. За то время многое изменится, надеюсь. Что вы так покраснели? Расстроились, что акции я приобрёл плохие? Так по собственной же инициативе, девушка, вы здесь совершенно не причём, не переживайте. Зарплату вам не задерживают из-за кризиса? Нет? Скоро начнут. У нас лампочками платили. Вы, если что – лампочки берите, акции ни-ни, слушайте старика, он дурного не посоветует. У нас тоже кризис случался – ни приведи господь, ничего, девушка, всё образуется со временем, возьмите вот шоколадку к чаю. У вас же скоро обед, подкрепитесь...

Ф И Л А Т Е Л И С Т

(Одноактная пьеса)

Действующие лица

КИРИЛЛ – отдыхающий в пансионате менеджер строительной компании, начинающий писатель, 25 лет

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ – филателист, 50 лет

ЖЕНЯ – девушка Кирилла, 23 года

МИЛИЦИОНЕР – человек в фуражке с красным околышком, возраст не важен.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: заброшенная танцплощадка бывшего пионерлагеря, а ныне пансионата на высоком берегу реки – бетонная окружность с двумя беседками, плотно обросшая кустарником и деревьями, зависла над самым обрывом. Предупредительный знак: НЕ ХОДИТЬ! ОПАСНО! В сторону реки с танцплощадки открывается великолепный вид

прямо на голубое небо. По нему плывут нарисованные кучевые летние облака. С территории пансионата на танцплощадку сквозь кусты проник молодой человек, огляделся.

КИРИЛЛ. (Встает в глубине сцены, лицом к голубому небу). Эх, красота! С такого обрыва долго падать, зато уж отдыхающих сюда точно чёрт не принесёт! Кому аварийная зона, а кому лучший в мире рабочий кабинет! Главное тихо и комаров нет. Вот здесь, на скамеечке и начнём править наш роман века. (Делает физкультурные упражнения). Пора! (Достаёт из пакета приличных размеров рукопись, напечатанную на принтере). Что ни говори, очень серьёзно смотрится! Прямо как настоящий! И то, триста страниц гениального текста о прекрасных человеческих отношениях. Большая любовь получилась! Неужели сам столько написал? Аж глазам не верится. Времени полгода угрохал, бесценного молодого времени! Пахал до потери пульса, до заворота кишок от чёрного кофе! Ничего-ничего, дела идут – контора пишет, теперь за пару недель черновик выверим, диалоги усилим, чувства раскрепостим окончательно, сексу подпустим, народ любит про секс читать, а как вернусь, распечатаю набело да в издательство. Жалко Евгения не видит во что вылились наши отношения. Ну и чёрт с ней! (Стелит газетку на одну из скамеек, вытаскивает авторучку, садится, начинает читать).

Что? Что за «сиреневые глаза на лунном лице, которое слегка зеленеет»? (Вычеркивает). У нас же не триллер. И дальше тоже ... ерунда ... (вычеркивает). А это пошло (вычеркивает). Не верю (вычеркивает). Дрянь какая! Никуда не годится! (откидывает лист, перечеркнув крест накрест, берёт другой, затем третий). Так, потёк кисель... и рассуропился на целых двадцать страниц. Кто так сюсюкает, товарищ писатель?... (Зачеркивает несколько страниц). А уж про это и вовсе не стоило распространяться. Евгения Гранде увидит – убьёт на месте. По-другому как-то надо изобразить. Скорее всего, ночью придумал, днём этакое в голову не придёт, уберу от греха.... М-да-с, начало никуда не годное. Может, середка ничего? (Открыл, читает, хватается за голову). Ой, стыдоба... Чушь собачья! Здесь тоже полная чушь!... А это чушь в квадрате! Но развязка феноменальная, кто посмеет возражать? Как сейчас помню, самое удачное место романа! До самого утра строчил как из автомата! (Листает, ищет, читает). Вот-вот, ага, вроде бы по-настоящему хорошо... читать можно во всяком случае... ан нет... тоже вранье первостатейное, вранье... всё враньё, даже править не имеет смысла: ни верного предложения, ни самой маленькой дельной мысли, ничего абсолютно! Кроме непрерывного щенячьего визга, местами переходящего в довольное хрюканье. (Откладывает кипу листов на скамью, встаёт, складывает ладони и рта рупором) Женя! Женя!!! Женечка! Где ты?

По соседству весёлый мужской голос отвечает: Ау! Кирилл тотчас садится на место.

Кусты раздвинулись, на площадку проломился гражданин в красном бархатном халате, турецкой феске с кисточкой, тоже красного цвета,

стоптанных домашних шлёпанцах. Из-под халата виднеется спортивное трико, шею драпирует широкий мятый ворот белой рубашки. Он опускает громадную сумку на соседнюю скамейку.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Здравствуйте, я Евгений Иванович. Не меня звали?

КИРИЛЛ. Здравствуйте. Не вас. (Берёт листы).

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Что же, бывают совпадения. Неплохо здесь, правда? Я частенько сюда заглядываю, за полмесяца приноровичился, знаете ли, как к себе домой. (Открывает сумку, достает газетку, магнитофон, бутылки пива, стелет газетку, садится, включает музыку, открывает бутылку. Отпивает глоток, блаженно выдыхает). А-а-а-а!

КИРИЛЛ. (раздражённо). Нельзя сделать потише музыку? Мне для работы нужна тишина.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Абба не нравится? В отпуске отдыхать следует, молодой человек. Ладно, ладно, убавлю. Небось, «Ногу свело» предпочитаете, извините, как вас по отчеству?

КИРИЛЛ. Предпочитаю тишину, Кирилл меня по отчеству. (Набирает номер на сотовом). Алло, Гоша? Гоша, у тебя клиент на десять утра, помнишь?... Гоша, это спецзаказ. Надо у Марии Ивановны канализационную трубу в туалете посмотреть. Да, течёт к нижним соседям, но сама течь где-то в межэтажном перекрытии находится, прихвати перфоратор обязательно. Кто такая Мария Ивановна? Гоша, учти, её дома не будет, а вечером работу приедет сдавать ей сам шеф, поэтому поясняю, Мария Ивановна – директор банка, где мы кредитуемся. Сейчас срочно дуй в офис, возьми там заказ, ключи у Алёны, своего Игорька и езжайте. Дом новый, возможно неудачно осел, или строители стык зацементировали без кабалки, но пластиковые трубы прихватите с собой, вдруг придётся менять, комплект собран, всё у Алёны. Гоша заказ элитный, а у тебя золотые руки. Всю ночь пили? А ты горяченьких щец быстро хлебани, под холодным душем постой, и вперёд. Не мне тебя учить. Соседка снизу сидит дома, ждёт, на месте посмотри, может долбиться от неё сподручнее будет. Давай, действуй.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Это отчет о проделанной работе у вас, Кирилл? Нет? Али детектив пишете? На детективы нынче громадный спрос в книжной торговле. Не желаете пивка?

КИРИЛЛ. Спасибо, не желаю. И не детектив это, обычный роман. Хотел здесь, в тиши над ним поработать, но...

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. А вы проверьте на мне, почитайте вслух. Используйте представившийся шанс! Между прочим, для всех русских классиков чтение своих произведений родным и знакомым было обычным делом. Не стесняйтесь, вон Антона Палыча тоже родственники на первых порах ругали, когда он им читал фельетоны, написанные в лавке, папенька даже материл в хвост и гриву! И вы потерпите пользы ради.

КИРИЛЛ. Это черновик. Первая редакция. И я не классик, не читаю ни знакомым, ни посторонним.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Значит, совсем никуда не годится, коли читать не желаете.

КИРИЛЛ. Не желаю.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Хоть одну фразу?

КИРИЛЛ. Нет.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Жаль. Я бы мог дать дельный совет.

КИРИЛЛ. Это не детектив.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Значит про любовь. А возьмите всё же бутылочку, вот и орешки солёные в пакетике, отдохните, поболтаем немного. (Кирилл берёт). Не всё же время писать, надо голове дать остыть. Про любовь писать трудно, гораздо легче про неё просто так разговаривать, и вот что, заметь, любопытно, говорят лучше мужчины, а пишут женщины. Нынче. Потому что они всё время про это думают. А мы что? Пришёл, увидел, победил и дальше бегом-бегом, другие дела делать. И уже совершенно невозможно писать роман о любви, находясь во влюбленном состоянии, легче книгу о плавании сочинять будучи выброшенным с корабля за борт, точно вам говорю. Стихи можно, но не прозу. Ничего не получится, факт. Один вред от того. Вместо того, чтобы изливать чувства на предмет обожания, будете тратить их на бумагу. Бумага-то, конечно, всё стерпит. Чего нельзя сказать о предмете обожания. Вы, Кирилл, многолько понаписали, как я посмотрю. В свободное от писательства время сантехнией зарабатываете хлеб свой насущный?

КИРИЛЛ. Менеджером тружусь. Оформление договоров, сметы, соблюдение сроков, материалы, всё на мне. Даже в отпуск в этом году не довелось толком съездить. Лето у нас самая горячая пора. Одна знакомая предложила на море вместе рвануть, а шеф и слушать не стал, упёрся как баран и точка.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Знакомую, случаем, не Женей зовут?

КИРИЛЛ. Она мне сто раз говорила: с такой работой никогда летом отдыхать не будешь, увольняйся. Но место хорошее, платят прилично и коллектив нормальный, такое другое потом сто лет не найдёшь. Короче уехала одна, загорает сейчас где-нибудь на пляже, а я с шефом перестал разговаривать. Неделю молчал, злился, он не вытерпел и предложил путевку за счёт фирмы в этот пансионат, чтобы недалеко от города и можно было, если что консультировать, или, в крайнем случае, в город смотаться. Ладно, думаю, с моего шефа, как с паршивой овцы хоть шерсти клок, зато роман за двенадцать дней окончу. Сегодня начал читать, а вместо бестселлера совершеннейшее дерьмо оказалось на поверку. Нет, представляете облом? Полгода писал как проклятый, полчаса утром, полчаса на обеденном перерыве и ночь напропалую. Казалось, верх совершенства получится. А в результате ни черта.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Вот–вот, и я о том же толкую. Им надо, чтобы на них все чувства изливались, весь фонтан сумасбродства до последней капли, а вы на бумагу перенесли. Да ладно, не переживай, бывает. А знакомая, небось, в Сочи отдыхает?

КИРИЛЛ. Где-то там. В Сочи или Туапсе.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Зачем тогда кликал?

КИРИЛЛ. Балдею от скуки. И с ней разругались на смерть и роман только для мусорной корзины годится. И отпуск использую по дурачки, в пригородном пансионате для престарелых (допивает бутылочку). Вот и ору, как идиот.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Она, стало быть, там отдыхает, а ты здесь... кричишь?

КИРИЛЛ. На прощанье обещала себе другого на пляже найти, не такого дурака, как я. Прямым текстом сказала.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Даже так? Посмотри, что делается. Вот теперь бы как раз и надо сесть писать роман, когда благополучно расстались навсегда. Держи пиво.

КИРИЛЛ. А вы запасливый. Не по снабжению, случаем?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Я филателист.

КИРИЛЛ. Да? Бывает... Между прочим, еще вчера на работе вечером, когда распечатывал своё произведение, беру страничку с пыла с жара, горячую, а

там так интересно написано, беру следующую, еще интересней. Сегодня остыло, что ли? Ерунда сплошная. (Встаёт) Женя! Женечка!!! Извините, это у меня опять крик души вырвался.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Кричи, кричи, авось полегчает.

КИРИЛЛ. А разве филателист профессия?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Нет, филателист, как и писатель, нынче не профессия. Но существуют отдельные люди, зарабатывающие себе на жизнь писательством, а другие – филателией. У меня довольно большая коллекция марок одного несуществующего ныне государства, которое называлось СССР – несколько миллионов экземпляров, благодаря чему я могу себе позволить не ходить на службу.

КИРИЛЛ. Коллекционер, значит. Наверняка собирали марки всю жизнь и тратили на них все деньги?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Никогда не покупал марки. Мне их присылают почтой многочисленные... клиенты в обмен на один рецепт. Да разве можно купить миллионы марок, даже если они стоили копейки? Я их ежедневно в письмах вот уже много лет получаю. Точнее раньше сам этим занимался, а теперь нанял для обработки корреспонденции несколько человек, которые сортируют, каталогизируют. У меня небольшая фирмочка официально зарегистрирована, служащие которой и следят за состоянием коллекции, за ценами, кое-что продается. На жизнь хватает.

КИРИЛЛ. Так много желающих получить ваш рецепт, что вы собрали миллионы марок?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Очень много. В обмен на рецепт мне, во-первых, должны прислать пару чистых конвертов, во-вторых, не менее двадцати марок СССР и, наконец, пять купонов газет бесплатных объявлений по всему СНГ. Иные присылают больше, иные и пятьдесят марок, а то и семьдесят, так сказать от души. Поверьте, дружище, отбоя нет от желающих обменять свои старые марки на мой жизненно важный рецепт.

КИРИЛЛ. И на какую тему ваш рецепт?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. На биологическую тему и формулируется достаточно просто: как сделать мальчика?

КИРИЛЛ (Смеется). Здорово. Неужели находятся идиоты?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Отчего сразу идиоты? Любим мы словами бросаться. Напротив, вполне разумные люди, которые с небольшим для себя риском, за несколько ненужных в хозяйстве марок узнают, как можно родить ребенка определенного пола без медицинских центрифуг и прочих неприятностей. Всё в домашних условиях. И никаких дополнительных трат, заметьте!

КИРИЛЛ. И что, получается?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Замучили благодарственными письмами. Правда, многие к словам благодарности догадываются приложить остатки своих марочных запасов. Что, заинтересовался?

КИРИЛЛ. Извините, Евгений Иванович, пиво неплохое, но рецепт наверняка чистой воды шулерство. Конечно, раз вероятность 50 на 50, то некоторым просто везёт, они то вас и благодарят! Или у вас есть изобретение запатентованное, приспособление какое?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Что ты, Кирюша, помилуй, какое там приспособление, не принимай меня за инженера человеческих тел. Просто высылаю полстранички текста с описанием, как должен себя вести мужчина в момент зачатия, чтобы получился мальчик, и как, чтобы вышла девочка, вот и всё. Нет, ещё дополнительно объясняю, почему.

КИРИЛЛ. И почему?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Коммерческая тайна. Если скажу почему, ты поймешь как. Это дело принципа: гони двадцать марок СССР, расскажу полностью и подробно, как хорошему знакомому.

КИРИЛЛ. У меня дома их два альбома валяется, считайте оба ваши.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Кирилл, рецепт очень прост, но марки вперед!

КИРИЛЛ. (зевает) Да обойдусь.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Ваше право, не смею навязываться. Пива бери ещё, на это разрешения не спрашивай.

КИРИЛЛ. Женя! Женечка!! Ау!

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ (ехидно). За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймашь. И девушка уехала на сочинский пляж, и роман ерундовый накропал. Всегда так бывает.

КИРИЛЛ. Тихо! (выключает музыку). Слышите?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Что?

КИРИЛЛ. Кричит кто-то. Вот ещё...

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Ничего не слышу.

КИРИЛЛ. Женя! Женечка!! Я здесь!!!

(Из леса: Кирилл! Ты где?)

КИРИЛЛ. Здесь я, здесь! В кустах! На танцплощадке!

Появляется Женя. Молодые бросаются друг к другу и крепко обнимаются.

В лесу раздаётся следующий голос: «Гражданин Кобылкин не прячьтесь, всё равно найдём!». Евгений Иванович мигом скрывается за скамейкой и сумкой. На площадку из кустов просовывается лицо милиционера в фуражке. Некоторое время заинтересованно наблюдает обнимающихся, потом говорит сам себе вполголоса: «И здесь нет», после чего исчезает. Евгений Иванович вновь располагается на своей скамейке, отпивает глоточек пива и говорит: «А-а-а-а!!!»

КИРИЛЛ. Вернулась уже?

ЖЕНЯ. Надоело Чёрное море, не вытерпела, сбежала раньше срока. На работу к тебе заехала прямо из аэропорта, мне сказали, что отдыхаешь в пансионате и адрес дали. Я сюда. Вот.

КИРИЛЛ. А загорела отлично. Шеф меня отпустил в конце концов, но недалеко, чтобы под рукой был.

ЖЕНЯ. Ищу тебя в пансионате, ищу, хотела сюрприз устроить, потом увидела парочка на скамеечке обнимается, решила по сотовому предупредить, на всякий случай, а ты уже с кем-то болтаешь.

КИРИЛЛ. Да по работе дела не отпускают. Не получается в тишине и покое роман до ума довести.

ЖЕНЯ. Ой, уже напечатал! Дай почитать?

КИРИЛЛ. Нет.

ЖЕНЯ. Хоть страничку одну можно?

КИРИЛЛ. Нет.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Не просите, голубушка, роман у нас не получился, не расстраивайте зря человека. Зато он вас так ждал! Кричал здесь с утра: Женя! Женечка!!! Почеркает - почеркает свое произведение и опять кричит, несчастный. А пришёл я, представляете? Меня Евгением Ивановичем зовут, подумал, вдруг кто в беде, нужна помощь?

КИРИЛЛ. Да, это мой сосед по... танцплощадке. Крупный филателист. Мы с ним пиво теперь пьём.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. И вы Женечка присоединяйтесь, у меня широкий выбор напитков имеется, на все случаи жизни, вот есть светлое, легкое, почти безалкогольное, попробуйте с орешками.

ЖЕНЯ. А можно я орешки без пива? С Анапы не емши.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Конечно можно. Сухарики есть, возьмите пакетик, к сожалению, тоже солёные. Берите без стеснений. Я уже попенял Кириллу, что он чувства свои растранижил на бездарный роман, сублимировал, так сказать. Нельзя этого делать ни в коем случае, куда любишь, ни под каким соусом, тем более девушка Женя очень симпатичная. А ежели описывать отношения, то поневоле переносишься на выдуманных героев, растратишь на них энергию психическую, от того реальная любовь на глазах оскудеет, того и гляди – загнётся, бедненькая. Вот если бы не роман, наверняка Кирилл с вами поехал отдыхать, плюнув на свою службу и начальник бы ему не указ. Или здесь потащил бракосочетаться, а потом в нашем же пансионате провели медовый месяц, это даже ещё лучше. А так ни рыба, ни мясо получилось.

ЖЕНЯ. Ты что, Кирилл, нас описывал, как мы...?

КИРИЛЛ. Нет, ну что ты! Там совершенно выдуманные герои, абсолютно посторонние люди.

ЖЕНЯ. Дай посмотреть.

КИРИЛЛ. Нет-нет! Я сожгу, ей богу сожгу. А вот даже лучше прямо сейчас уничтожу. (Засовывает рукопись в пакет, подходит к обрыву и бросает вниз. В нарисованном небе есть прорезь на липучке). Вот и всё!

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. И заметьте, Женечка, не кинул ведь, что бы листы, упаси бог, не разлетелись, в пакетик завернул. Завтра с утречка тихонько

спустится вниз, недалеко тропинки имеются, найдёт свой опус и будет над ним дальше трудиться. Улучшать. Да, это дело вечное-бесконечное.

КИРИЛЛ. А зачем сорить на всю округу листьями? И если уж на то пошло, на работе в компьютере файл остался с романом.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. О, всё продумал!

(У Кирилла звонит телефон)

КИРИЛЛ. Да, Гоша, слушаю. Продолбили? Долбитесь? Кусок большой рухнул вниз? На соседку? Ну как же вы так неаккуратно! Игорек должен был страховать, а не соседка! Какого черта она в свой туалет попёрлась? Одеяло на потолке вместе с Игорьком держала? Он увернулся, а ей по голове? Ясенько всё с вами. Это она кричит? Что? Ты даже выронил перфоратор от её крика? Это у тебя Гоша руки от пьянки дрожат, а не от крика! На унитаза Марии Ивановны? Бачок вдрыск?... И унитаза тоже? Ну да, перфоратор тяжелый... что вода? Вода ушла вниз и случилось замыкание? Ты хочешь сказать: соседка снизу кричит без света в туалете? А где Игорек? Убежал? Куда? На улицу? А встречать скорую помощь, которую ты вызвал... Гоша, я знаю, чего она кричит, срочно перекрой воду к унитаза, на соседку льётся! Да, и позвони Палычу, от моего имени передай, чтобы всё бросал и ехал электричество к вам восстанавливать. Скажи ему, что вечером я буду в городе и лично отблагодарю. Нет, Гоша, ты звони Палычу, а я Марии Ивановне. Когда всё преодолеешь, можешь разбитый унитаза убирать, будем ставить новый. Бесплатно. До связи.

ЖЕНЯ. (Задумчиво) А я то думаю, что такой невнимательный ко мне стал в последнее время, ровно охладел, ещё решила, что завёл другую. А вон оно что, сублимация называется.

КИРИЛЛ. Женя, что ты слушаешь всяких идиотов? Знаешь, кто перед тобой сидит? Обыкновенный мошенник! Дурит доверчивых граждан: печатает в газетах бесплатные объявления, как сделать мальчика или девочку по желанию и за этот рецепт получает двадцать марок СССР. Коллекционер! Камера по нему плачет (звонит). Здравствуйте, это старший менеджер фирмы «Мечта новосёла», ведущей сегодня ремонт в квартире Марии Ивановны, соедините меня с Марией Ивановной по срочному делу... Мария Ивановна, наша лучшая бригада уже начала работу, сейчас долбят плиту межэтажного перекрытия. Всё идет по плану! Может быть вы, в связи с данным ремонтом, заодно желаете сменить унитаза на новый? Мы со своей стороны произвели бы установку унитаза совершенно бесплатно. Да, для таких уважаемых клиентов, Мария Ивановна, наша фирма готова идти навстречу во всём. И доставка бесплатная, если конечно, сочтёте возможным приобрести изделие в нашем специализированном магазине, где как раз

сейчас имеется самый широкий выбор всевозможных расцветок и моделей. Для вас десятипроцентная скидка по любому изделию. Хорошо, Мария Ивановна. Когда бы вам было удобно, чтобы приехал наш дизайнер и отвез показать всё, чем мы располагаем? К двенадцати? Отлично, благодарю, Мария Ивановна, к двенадцати дизайнер подъедет за вами.

ЖЕНЯ. Ишь, как извивается. Евгений Иванович, а разве пол ребенка можно заказать предварительно?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Конечно можно. Научно доказано.

ЖЕНЯ. А как?

КИРИЛЛ. Вот, пожалуйста, ещё одна дурочка. (Звонит.) Алёна, физкульт-привет! Как, справляешься? Молодец! Тут такое дело приятное, Мария Ивановна решила приобрести у нас унитаз, в двенадцать часов её нужно будет забрать из банка и отвезти в магазин. Возьми это на себя. В магазине скинешь 10 процентов, поняла? Доставка за наш счёт. Гоша установит бесплатно. Вернёшь мадам в банк и проследи, чтобы унитаз тотчас же отвезли на квартиру. Не после шести, а сразу. Понимаешь? Умница, дерзай и помни, что лучше тебя никого нет.

ЖЕНЯ. Наглец! Меня обозвал дурочкой, а её...

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Ваш кавалер уже требовал раскрыть ему секрет, и я по-прежнему отвечаю: Кирилл мне друг, но истина дороже. Сначала двадцать марок, потом рецепт мальчика.

ЖЕНЯ. Мне надо будет девочку. Потом когда-нибудь, но чтобы точно.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Там два в одном. В одном рецепте оба указания есть и как одного делать и как другую. Но марки – дело принципа, бесплатных знаний не бывает, это даже государство нынче объявило во всеуслышание.

КИРИЛЛ. Да не верь ты ему, мошеннику с кисточкой.

ЖЕНЯ. А кому верить, тебе? Романист несчастный, чтобы ты меня там описывал в неглиже? Хоть красиво представил?

КИРИЛЛ. Не тебя совсем я описывал. Ты блондинка, а там брюнетка, ты среднего роста, а она длинноногая, и зовут по-другому и город другой.

ЖЕНЯ. А хочешь сумкой по мордам? Со мной не поехал, в пансионат пристроился! Пьёшь тут пиво на танцплощадке, в то время как я... там... одна!

КИРИЛЛ. Однако же, смотрю, успела неплохо загореть, одна на пляже!

ЖЕНЯ. Ну, знаешь! А вот этого я тебе никогда не прощу! Как дура, примчалась к нему за три дня до конца отпуска! Почему бы нам вместе не приехать сюда отдохнуть? За счёт фирмы?

КИРИЛЛ. Но ты же хотела только в Сочи!

ЖЕНЯ. Мало ли чего я не хотела? Ты должен был настоять на своём, не пускать меня. Мужчина ты или не мужчина?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Женечка, вы покушайте жаренных сухариков, они очень питательные. А что на пляже никого не нашли получше? Арахис вот кушайте. Пива выпейте.

ЖЕНЯ. Да отстаньте вы со своими сухариками! Чего? Это он вам сказал?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Ладно, ладно, сдаюсь! Внимание, объясню рецепт, как сделать мальчика. Женя, закройте рот, про девочку тоже будет своя история. И не надо мне двадцати марок от вас, ничего не надо, бесплатно поделюсь в качестве спонсорской помощи, только замолчите, ради бога, с детства не переношу женского визга. Особенно Кирилл будь внимателен, основная работа твоя, ведь на мужчину природа возложила почетную обязанность формировать пол ребенка. А вы Женечка, если муж окажется другой, в смысле не Кирилл, потом ему разьясните, как и что делать для получения искомой девочки. Слушайте все сюда.

ЖЕНЯ. Ещё чего не хватало. Он будет делать, никуда не денется.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. В смысле влюбится и женится? Я не против, пусть. Итак, внимание. Сначала некоторые данные статистики приведу для затравки. В войну, когда мужчины покидают свои дома и уходят на фронт, мальчиков рождается намного больше, чем девочек. В мирное время тоже есть некоторый дисбаланс в эту сторону, однако, в военное время он увеличивается кратно. Второй факт, статистика говорит, что от лысых мужчин девочки рождаются чаще.

ЖЕНЯ. Кирилл, сам облысеешь? Или мне поспособствовать?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Так вот. А теперь опишу простейший эксперимент над живородящими рыбками, называемыми в простонародье гуппёшками.

Гуппи очень похожи на людей в том смысле, что они, во-первых, тоже живородящие твари, во-вторых, самки могут понести от нескольких самцов сразу, история знает такие нехитрые примеры, и в-третьих, соотношение новорожденных мальков самочек и самцов у них тоже примерно 50 на 50. Так вот, слушайте. В аквариум посадили одного самца и одну самку. Хорошо их кормили, ухаживали, меняли вовремя воду и они, естественно, полюбили друг друга! Самка произвела на свет потомство, в котором приблизительно половина оказалась девочками, а другая половина мальчиками. А потом экспериментаторы совершили следующее преступление. Взяли другой аквариум, побольше, где жило сто самцов и ни одной самки, а внутрь него поместили прежний аквариум с самцом и самкой. Попасть к нашей самке на randevу внешние самцы никак не могли, они только следили через стекло за любовной парочкой во все глаза, да метались от переживаний по круговому периметру. Зато самка оказалась как-бы одна в большом мужском обществе. Знаете, кого она родила в ночь? Почти все новорожденные мальки оказались женского пола! Вывод? Природа чувствует посредством органов самих существ кого в обществе в избытке и рождает больше особей противоположного пола. Аналогичная ситуация в тылу во время войны. Мужчин мало, они на вес золота, весьма задействованы и, пожалуйста, рождаются мальчики. Ну, поняли в чем дело?

ЖЕНЯ. А лысые почему мальчиков не рожают?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Чувствую, не до конца разобрались. Поясню дополнительно. Мужчина лысеет, если у него в организме избыток мужских гормонов, те носятся по сосудам с кровью, бомбардируют все органы, в том числе волосы на голове и в результате последние выпадают. Природа человеческая спрашивает себя при этом: а почему их так много? В смысле, гормонов? Почему никуда не расходуются? В смысле, на женщин? Что женщин осталось мало? И в результате такого природного внутреннего раздумья, соответствующие органы лысого мужика вырабатывают больше и здоровее половых клеток с женской хромосомой, нежели с мужской, в результате лысые рожают чаще девочек.

Таким образом, чем мужественнее мужчина, или вернее сказать, чем больше у него в крови мужских гормонов на данный момент, тем больше вероятность рождения девочки. Теперь вопрос: а как нам родить мальчика в таком случае?

А очень даже просто: сначала следует истратить мужские гормоны на женщину, но без зачатия, устать, выдохнуться подряд раз пять за ночь, а на шестой - седьмой снять, наконец-то предохранитель, и тогда из последних сил, через не хочу, через не могу, через «Сколько можно? Отвали, вот пристала!» постараться. Природа при этом думает: смотри как хряпается мужик, значит скоро умрёт от такой жизни, значит мужчин мало осталось, надо ему на подмогу пацанов сделать! Ясно, да?

Теперь по просьбе Женечки делаем девочку. Для того, что бы получилась девочка, мужчина должен очень соскучиться по женщине, прямо таки даже исстрадаться, чтобы его кровь кишмя кишела мужскими неизрасходованными гормонами, а потом налететь на любимую один раз и всё, больше к ней не прикасаться, или очень предохраняться, дабы не занести случайно какого мальчишку.

КИРИЛЛ. Гипотеза логичная. А статистические результаты есть?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. У меня всё есть. Пиво берите. Если, дети мои, у вас лично получится, как загадаете, в благодарность я всё же могу принять те два альбома с марками СССР, о которых упоминалось выше. А впрочем, не надо, прощаю. Со следующей недели начинаю проводить умопомрачительную финансовую операцию по всему миру сразу, которая сделает меня богаче Сороса. Через полгода стану долларовым миллиардером, так-то. Фирму придется расширить. Кстати, Кирилл, вы мне нравитесь своим ответственным отношением к службе. Не хотите поработать в моей команде? Сколько сейчас получаете, если не секрет?

КИРИЛЛ. Восемь тысяч плюс процент от договоров, которые веду, набегает двенадцать – тринадцать.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Рублей?

КИРИЛЛ. Конечно не евро.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. А что бы вы сказали о твёрдом окладе в шестьдесят тысяч в месяц?

КИРИЛЛ. Смотря что делать.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Быть моим доверенным лицом. Находиться в курсе сделок, состоянии счетов в мировых банках, сопровождать везде с личным чёрным чемоданчиком – ноутбуком и сообщать по первому требованию какова ситуация на данный момент. Кроме этого, будем попивать пиво на Средиземноморье в лучших отелях, посещать Ла Скалу, иногда, по субботам летать в парижские рестораны. Хочу на старости лет познакомиться с французской кухней, а с Нового года, когда всё окончательно утрясется с миллиардным состоянием, положу тебе миллион долларов в год зарплату и поплывём в кругосветное путешествие на трансатлантическом лайнере. Как, согласен?

ЖЕНЯ. А меня возьмёте, тысяч за сорок в месяц?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Тебя? Кирилл, почему нет? Пойдешь вместе с Женечкой или отдельно?

КИРИЛЛ. Надо обдумать. Что за предприятие пока непонятно.

ЖЕНЯ. Чудак, ну что тут думать, когда и деньги и лайнер? И мы будем вместе?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Действительно, зачем думать?

КИРИЛЛ. В принципе, я не против.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Значит и вас, Женечка беру со следующей недели в свою фирму. Вместе будете трудиться.

ЖЕНЯ. А что делать? Какие у меня будут обязанности?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Весьма необременительные, но приятные. Очень красиво, модно и элегантно одеваться, за счет фирмы, разумеется, путешествовать вместе с нами, посещать рестораны, казино, заповедники африканские и быть при этом веселой и дружелюбной. Наше настроение целиком отдается в ваши нежные ручки.

ЖЕНЯ. Отлично, я согласна.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. У меня тост: за успех нашего предприятия!

ЖЕНЯ. Ура!

КИРИЛЛ. Евгений Иванович, а не могли бы вы сейчас открыть конкретно механизм того, чем мы будем заниматься?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Вас интересует, откуда возьмутся миллиарды долларов на наших счетах? Ладно, сегодня уже можно сказать. Всё готово, через пару часов даю отмашку и заворачиваются колеса огромного рекламного механизма. Предприятие гениально просто. С мой рецептом выхожу из пределов СНГ на внешний рынок, конкретно на Китай. Но конечно, требовать с китайцев марки СССР смешно, за десять долларов через электронные магазины любой китаец или китайская семья сможет моментально приобрести долгожданный рецепт: как сделать мальчика. К слову сказать, у них сейчас с этим ужасные проблемы.

ЖЕНЯ. У китайцев? Какие проблемы?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Ужасные, дитя мое! Представьте себе, исторически сложилось так, что китайская пара не может считаться нормальной семьей до тех пор, пока не родился мальчик, сын и наследник. А нынешние власти

запрещают рожать в семье больше одного ребенка. За нарушение закона берутся гигантские штрафы, фотографии многодетных вывешиваются на улицах с подписью: «Они перенаселяют нашу коммунистическую Родину!». Но китайцы, если первой родилась девочка, идут на моральные страдания и штрафы, платя их раз за разом, пока не родится мальчик! Или проходят томографию плода, и если девочка, делают аборт! Тысячи, миллионы аборт! В результате уже сегодня в Китае китайцев на сорок миллионов больше, чем китайянок! Скажите, люди добрые, где им найти жену? Приходится лезть в Россию. А я этим несчастным помогу сразу родить сына, наследника с первого, законного раза. Да любой китаец будет счастлив за жалкие десять долларов достать рецепт про мальчика! А теперь вспомните, каково население Китая? Скоро полтора миллиарда будет. Пусть не все кинутся в электронные магазины, увидев в газетах и на ТВ соответствующую рекламу, пусть только десятая часть, и вот вам уже полтора миллиарда долларов! На самом деле, месяца за три оголтелой рекламы рассчитываю скачать пять миллиардов долларов. В Интернете работают несколько электронных магазинов на английском и китайском языках. Как только приходит оплата, немедленно высылается рецепт! У меня по честному! Конечно, через полгода рецепт станет всемирно известен, и тогда за него ломаного гроша не дадут, но за это время мы сумеем сделать деньги с такой скоростью, которая не снилась даже Биллу Гейцу!

ЖЕНЯ. Феноменально! Вы такой умный! А можно мне купить норковое манто и платье от Армани?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Давайте лучше потанцуем! (Включает аргентинское танго. В моменты зависания над дамой Евгений Иванович говорит). Дорогое дитя, мы с вами будем посещать лучшие парижские и лондонские показы мод, на которых вы будете покупать все, что заблагорассудится. И я уже придумал вам маленькую обязанность. Каждый день в знак восхищения перед вашей непревзойдённой красотой, вашим удивительным совершенством, вашими блестящими радостью глазами, я буду целовать вас в это прелестное ушко, в которое мы в самом ближайшем будущем поселим сережку с бриллиантом, лучший из тех, что вам понравится. Позвольте сделать это авансом. (Целует ухо). И так каждый вечер один поцелуйчик на сон грядущий – вот и вся ваша работа. Я буду счастлив этим немногим, а остальное вы подарите моему дорогому другу Кириллу. Кстати, Кирилл, если вы надумаете жениться, свадьба – за мой счет в Москве, на улице Горького, ныне Тверская, в отеле «Шератон».

ЖЕНЯ. Лучше в Париже!

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Возражений нет. Кирилл, согласен насчёт Парижа?

КИРИЛЛ. В принципе да, но ...

ЖЕНЯ. Ура! Летим в Париж! Кирилл, ты сделал мне предложение?

КИРИЛЛ. Только вот, Евгений Иванович, насчет китайцев... что получится, если во всех молодых китайских семьях будет рождаться только по одному ребенку, и этот ребенок – мальчик?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Это значит, что в Китае будут рождаться только мужчины, вот и всё.

КИРИЛЛ. Но на ком же они будут жениться?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Кирилл, какое нам с вами дело на ком будут жениться китайцы через двадцать лет? Мне кажется, вам сейчас надо думать о собственной свадьбе.

ЖЕНЯ. Конечно.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Женечка, вы умница. Знаете, в моем возрасте так приятно видеть возле себя молодую изящную девушку, это не передать словами! Особенно, если её плечико так мило оголено как у вас сейчас. Главное, что ничего уже серьезного мне от неё не надо, просто смотришь, и этим одним получаешь глубочайшее удовлетворение. (Целует плечико). Кирилл, я вам обоим обеспечу жизнь без материальных забот, со всевозможными увеселениями, но представьте, как будет скучно мне оставаться одному в своей комнате, наедине со старческой бессонницей? Я тоже хочу получать свою маленькую толику визуальных удовольствий. Надо же мне чем-то греть старческую остывающую кровь? Можно я установлю инфракрасную камеру наблюдения в вашей спальне? Мне будет весело сидеть с бокалом вина перед телевизором длинную – длинную бессонную ночь. Поверь, ничего бы не стоило установить её без всякого предупреждения, но я всегда выступаю за полное доверие между компаньёнами.

ЖЕНЯ. Но вы никому другому не будете показывать?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Что вы, что вы, как можно. Милая моя, даже записывать не буду. Что увидел, то увидел, тем и доволен. Порадовался по стариковски за молодых и на боковую. Закон жизни.

ЖЕНЯ. Пусть тогда смотрит, да Кирилл?

КИРИЛЛ. Вы мне мозги компостируете? Эти же китайцы в Россию повалят, двести – триста миллионов китайских мужиков. Что тогда от России останется?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. Ба, да ты патриот? Мужского рода? Зато у наших женщин будет широкий выбор, да, Женечка?

ЖЕНЯ. Триста миллионов китайцев? Молодых? Так это здорово!

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. И не повалят они в Россию. Сначала на Дальний Восток придут жениться, потом в Сибирь, дальше Урал, и потом только в Россию. Смотрите, Женечка, Кирилл боится конкуренции китайского производителя, что смешно в эпоху открытого рынка. Да к тому времени, когда они жениться по-серьезному сюда попрут, у вас уже внуки появятся. А у меня никого нет, и не будет, слава тебе господи! Зато со следующей недели заживём на полную катушку, как олигархи! И чего вам китайцы не нравятся? На Дальнем Востоке и сейчас все российские женщины поголовно согласны за китайцев выходить. И московские со временем привыкнут, ничем не лучше. Отбиться от них не удастся: десятилетием раньше, десятилетием позже, какая разница? У них же основной китайский инстинкт очень сильный. (Падает на пол, ползёт) Попрут через границу миллионами ползком (хватает Женечку за ногу) Холеся, холеся матка, жениться надо сильно, зениться хосю! Ходи сюда быстро! Зениться сильно хосю!

ЖЕНЯ. (Игриво) Ой, мужчина, я вас боюсь!

КИРИЛЛ. Это распродажа национальных интересов!

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. (Встаёт). Нет, вы посмотрите на него! А вот сейчас московские министры отдают в аренду на двадцать пять лет миллион гектаров леса китацам в Сибири, это что будет, не догадываетесь? Да разве одного леса? Там же поселки, деревни, и ведь не китаянки лесорубами к нам приедут, а те сорок миллионов лишних холостых китайцев! А что? Бригада сорок человек на гектар. Да они женятся на всём, что только двигаться может и станут гражданами России! За первые 10 лет так заставят поработать местный женский контингент, что станет их уже не сорок, а все четыреста миллионов!

ЖЕНЯ. Ничего себе! Поголовно станем китайскими матерями-героинями?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ. В результате через двадцать пять лет в России будет жить миллиардный Китай, у них же китайский основной инстинкт! Самый сильный в мире! Здесь им никто не запретит иметь много детей, более того, за второго и последующих будут платить по двести пятьдесят тысяч. Таких ёлок кругом навалит, что ой-ей-ей!

Зато министры нагреют карманы. Почему кремлевским придуркам можно творить российскую историю, а нам нельзя? Они сдают местных баб китайским лесорубам на двадцать пять лет в аренду вместе с лесом, а мы с

вами продадим всю Россию и весь мир разом, сейчас, но с отсрочкой расплаты на 20 лет, проживём на всю катушку за счет собственных мозгов! Не вижу никаких причин для морального самобичевания, друзья мои! (обнимает Женю за талию). Женечка, лапушка, такую деятельность развернём на китайских деньгах, американским миллиардерам мало не покажется! Кирилл будет гонять финансовые потоки через швейцарские банки, а знаете, что я придумал ещё? Ты, Женечка сама будешь говорить мне вечером, куда тебя поцеловать. Это интереснее, чем каждый раз в ушко. Не люблю однообразия! И если то место закрытое, открывать мне его тоже будешь сама! Кирилл, что молчишь, ты не переживай, будешь рядом стоять, со свечкой, я же не тайком предлагаю. Всё будет пучком, дорогие мои ребятки! Ну, ладненько, пиво напились, пора и честь знать. Я сумку здесь оставляю, только рюкзачок свой смешной натяну и с богом! А вы можете угощение себе унести, магнитофон тоже забирайте. Мне в город срочно надо сгонять. Начинаем операцию по деланью китайских мальчиков. Знаете как мальчик по-китайски? Хунь. Так мы эту операцию и назовём. Очень знаменательный момент наступает, между прочим! (Одевает рюкзачок, подходит к обрыву, смотрит на реку, спиной к залу). Знаете, когда начнется Третья мировая война? Через двадцать лет, когда в Китае подрастёт триста миллионов китайцев, для которых там не окажется китайок и это будет самая страшная война – за женщин. Чувствую в данный момент себя настоящим вершителем судеб! Организатором мировых катаклизмов! Мозговым олигархом воспринимаю себя! Трещины, мир, Евгений Иванович жмёт на красную кнопку! Пора!!!

КИРИЛЛ. Да пошёл ты!

(Толкает Евгения Ивановича в спину, тот с криком падает с обрыва (в разрез на небе). Женя хватается сумку олигарха, кидает следом).

ЖЕНЯ. Подавись своим пивом, мерзкий старикашка! Кирилл, он ко мне клинья бил, заметил?

(Обнимаются всерьёз и надолго).

КИРИЛЛ. Давай, поженимся?

ЖЕНЯ. Давай.

На сцене появляется милиционер. Смотрит на обнимающихся.

МИЛИЦИОНЕР. Извините, случаем не видели, тут гражданина в красном халате и шлёпанцах не проходил?

ЖЕНЯ. Нет, не видели.

КИРИЛЛ. Не видели.

МИЛИЦИОНЕР. Старая история: столкнули старичка с обрыва и песенки слушаете? Из его магнитофона? (подходит к обрыву, заглядывает вниз).

КИРИЛЛ. Мы не толкали, он сам упал, по неосторожности!

ЖЕНЯ. Да, оступился и упал.

МИЛИЦИОНЕР. Стокнули, столкнули, сам он никогда не прыгает. Да вы не бойтесь, он же шизофреник. Тут неподалеку психбольница располагается, он оттуда. Вона как полетел!

ЖЕНЯ. Из психбольницы?

КИРИЛЛ. Шизофреник?

МИЛИЦИОНЕР. Так точно, больной человек этот Кобылкин. Любит людей доводить до кипения, а потом сигает с парашютом, но так, чтобы его подтолкнули. От этого максимальное удовольствие испытывает, говорит, покруче сексуального даже. Экстремальный парашютист. Рюкзачок-то успел натянуть?

ЖЕНЯ. Да. Одел рюкзак.

МИЛИЦИОНЕР. Вот зараза, опять ускользнул. Сбежит из психушки, людей спровоцирует на своё, якобы, убийство, а те потом переживают. Один товарищ из вашего же пансионата, как столкнул его, в комнате запёрся и вены себе вскрыл, не успели спасти. Вот так-то! (К небу прицеплен игрушечный парашютист). Парашют у него иностранный – крыло называется, ишь, как лихо по воздушным потокам носятся над речной поймой. На двести километров может улететь запросто при хорошей погоде. Смотрите, вон он! Полчаса теперь летать будет, кайф ловить! А потом в мерседес свой заскочит, только его и видели! Где нам, районным пешеходам, словить Фантомаса!

ЖЕНЯ (машет рукой). Евгений Иванович, привет! Не такой уж он и плохой, реальный экстремал!

МИЛИЦИОНЕР. Больной, чего с него взять кроме анализов? А нас требуют его обратно в больницу вернуть.

(Милиционер уходит с площадки).

КИРИЛЛ. Постойте! Если он псих больной, откуда у него деньги на сверхсовременный парашют, который тысяч пятнадцать баксов стоит?

ГОЛОС МИЛИЦИОНЕРА. Так это... он же филателист.

ЖЕНЯ. Кирилл, а давай подадим заявление сегодня?

КИРИЛЛ. Конечно, и чем скорей, тем лучше. (В сторону). А то мало ли чего министр удумает... и, похоже, что Евгений Иванович давно нажал свою красную кнопку. Едем!

ЖЕНЯ (В ту же сторону) И-ее-ссс!!!

К О Н Е Ц

Иван да Майя

Сценка

Действующие лица:

Иосиф Шумейкер - 45 лет, исполняющий обязанности раввина синагоги города Ермолова, в гражданской жизни архитектор.

Иван Кривопалов – новый член иудейской общины, жилистый человек 62 лет в кипе, исправно посещающий пятничные шабаты (субботы), по совместительству вахтовик-нефтяник.

Майя Абрамович – жена Ивана Кривопалова, женщина 55 лет в чёрном платке, расшитом золотом, свежеиспечённая пенсионерка.

Действие происходит в молельной комнате синагоги, после встречи Шабата. На столе в подсвечнике горит одна свеча, две другие уже погасли, стоит почти пустая бутылка вина и коробка с цдакой (пожертвованием). Все прочие, кроме троицы уже вышли из комнаты. Раввин прибирается на столе.

Шумейкер. Иван, вы не могли бы загасить свечу? Побудьте у нас сегодня шамис-гоем.

Иван. Кем?

Шумейкер. Шамис – служка. Гой – нееврей. Таким образом шамис-гой, это человек из неевреев, которого нанимали в синагогу, чтобы он выполнял необходимую работу и после наступления Шабата. К примеру, гасил свечи.

Иван. Да запросто. (Подходит к столу, оборачивается, кивает на жену). А ей тоже нельзя гасить?

Шумейкер. Нет, женщины зажигают свечи и молятся отдельно от мужчин на балконе. Но у нас балкона пока нет, поэтому на отдельной скамейке. Кстати, тут вина немного осталось, вы Иван не против?

Иван. Святое дело.

Шумекер. Вино сегодня настоящее, не просто кошерное, но и привезено из Израиля. Значит, что? Значит, выращивал виноград еврей, и вино делал тоже еврей. (Выливает остаток в стаканчик).

Иван. (Пьёт). Да, настоящее кошерное, чувствуется. Иосиф, вы сегодня так замечательно читали, хоть я в иврите ни черта не понимаю, сколь не учил, но прямо до души проняло, аж слеза навернулась. И вообще, хорошо у нас здесь, в синагоге. Не то, что в церкви: там народ на ногах толчётся всю службу, а здесь вот скамеечки аккуратные и столики для каждого, есть куда Тору перед собой положить. И молитвы на хлеб с вином произносятся, что ни говори, а это дело настроение сильно поднимает, и руки перед едой опять же с молитвой моют, но пьют чуть-чуть. Народ нормальный, все друг дружку знают, как одна семья. Иосиф, что я хочу спросить? Майя объявление нашла, что в Москве обрезание делают, может вы дадите мне какое направление, рекомендацию что ли какую, да я съезжу по-быстрому обрежусь, пока отдыхаю от вахты? Бог-то у нас один, и у христиан и у иудеев и у мусульман. Раз я к вам из атеистов прибился, пусть уж настоящим евреем стану.

Шумейкер. Обрезание, о котором вы, Иван, говорите, предназначается для евреев по рождению. Вы же с Майей всё равно в Израиль переезжаете, как... член семьи, там и начнёте процедуру. Могу только сказать, что для вас это будет очень долгий и не простой экзамен, который затянется на несколько лет, одним обрезанием уж точно не обойдётесь.

Майя. В том-то всё и дело. Сейчас Иван на буровой хорошо зарабатывает, в цдаку сегодня сто рублей положил. А в Израиле только мне пособие будут платить, а ему ничего. На что жить станем?

Иван. Хорошо, что на Святой Земле тепло круглый год, значит дрова – уголь не нужны, шубы с унтами тоже, уже расходов меньше. Я хоть от печки отдохну. Не переживай, Майя, если что - Борис поможет.

Шумейкер. Да, я забыл вас спросить про сына, Майя. Как он?

Майя. В армию взяли служить. Но, слава богу, пока в хорошем, тихом месте. Из армии, чем он сможет помочь? Да и потом ему ещё долго учиться надо будет. Нет ли других вариантов, Иосиф? Вы бы посодействовали, мы как – никак члены религиозной еврейской общины.

Иван. Святая Земля! Вот она что с человеком делает, а? Здесь Бориска даже думать про армию не хотел, а там – пожалуйста, встал в строй как миленький. Отец бы очень удивился, покойный Абрамович, что сын – израильский солдат. Я же его папеньку знал, мы же соседи были. Настоящий профессор! Царствие ему небесное! (Плюет на пальцы и с шипением гасит свечу).

Шумейкер. Можно было просто задуть.

Иван. Э, нет! Мне ещё дед говорил: на свечу дуть – беса тешить. А вот скажи, Иосиф, почему Святая земля красная? Нам знакомые крестик из Израиля прислали со святой землей, смотрю, а она красная. (Достает из кармана пакетик).

Шумейкер. Зачем это вы в синагогу крест принесли?

Иван. Так святая земля, наша, израильская. А крест – подарок просто. Я же его не на шее принес, а в кармане, да он и не освящённый, хоть и со Святой земли. Просто показать хотел.

Шумейкер. Всё равно не надо. Уберите.

Иван. Смотри, как строго. (Снимает кипу, кладёт на стол). Ладно, прощевайте, пошёл я. В шамис-гой не гожусь, извините. Не гой потому что, а человек!

Майя. Зря вы ему налили. Ваня, никто не хотел тебя обидеть.

Иван. А я и не обижаюсь. Бог один – приходы разные, я давно понял, думал, что привыкну, ан нет. (Разрывает пакет, красная земля высыпается на пол, Иван прилаживает пластмассовый крестик на шею) Всё, иду в свой приход на больных ногах толкаться. Христианин, вот и вся сказка. Гой, да не шамис. И ни в какой Израиль не едем! Баста! Поняла?

Майя. Ваня! Как же дом? Дом-то уже запродали! В двойном размере задаток возвращать придётся, двадцать тысяч денег пропадёт!

Иван. Э, двадцать тысяч, нашла о чём жалеть! Тебе сколько лет, Майя? О душе давно пора думать, а ты каждый день о деньгах с утра до вечера ноешь.

Шумейкер. (В сторону). Всего ничего выпил, а смотри, как его понесло. (Рассматривает бутылку внимательно). Кошерное. Из Израиля. Шестьсот рублей. Ничего не понимаю. (Аккуратно кладёт в мусорный пакет).

Иван. О душе думать надо! Решено, завтра с утра в православный храм идём! Креститься будем оба! У нас это просто. Слышь, Майя? Уже два года пенсию получаю, скоро умирать, а я некрещёный! (Смахивает слезу, берёт Майю за руку, ведёт к выходу. На пороге останавливается). Нет, не могу! Как вспомню мордастых нищих у ворот – с души воротит. Здоровые битюги, молодые, морды фиолетовые, у ног ползают – попрошайничают Христа ради, рабы божьи, а потом пропивают тут же в церковном дворе! Их бы на буровую в тайгу, на пару недель!

Майя. Шабат шолом, Иосиф. Мы пойдём.

Шумейкер. Шабат шолом!

Иван. Прощевай, брат Еся. Шабат Шолом! К протестантам податься, что ли? Как думаешь? У них тоже порядок, лавочки имеются, сидят – псалмы распевают под фисгармонию и христиане как-никак. Бог-то один. Аллах акбар вам, люди добрые!

Аквариум

Сценка

Действующие лица:

Петров–Водкин, бывший судебный пристав и юрист первого класса, 40 лет.

Немирович – Данченко, старший лейтенант милиции, 32 года.

Действие происходит в подземном переходе.

Милиционер. (В спину хромого с подозрительным баулом). Гражданин, предъявим документы. Хромоногий гражданин, я вам говорю, попрошу остановиться на предмет проверки личности!

Пристав. (Останавливается, оборачивается). О, Немирович, ты что ль? Из конвойного батальона в андеграунд подался? Аусвайс проверять, на вольные хлеба?

Милиционер. А... Петров-Водкин, да сколько можно в одних кандалах со всякой швалью судебские скамейки протирать? Чего, брат, хромаем? Опять к кому-нибудь пристал неудачно? И пешком к тому же, а не на тойоте с черными стеклопакетами? Что курим? Достаём, показываем.

Пристав. Да всё тоже. (Отходят к выходу, закуривают). Видел у нас в каптёрке сейф с оружием стоит? Сверху на него аквариум поставили для моральной разгрузки, чтобы, значит, душой было где оттаять в перерыве между заседаниями. В аквариум трёх рыбок запустили: одну золотую и двух обыкновенных, вроде шпрот, но белого цвета. Гальки красивой на дно насыпали, ракушек раскидали, водоросли посадили, компрессор кислородный журчит, красота, смотри да радуйся! Так представь себе, та шпротина, что побольше принялась золотую рыбку гонять со страшной силой, вцепится ей в хвост бульдогом, и ну трепать! Гоняет, блин, как старик-дембель первогодка. Какая тут может быть моральная разгрузка? И где? В доме правосудия

этакий беспредел творится. Разве можно? Соорудили укрытие на дне, чтобы золотой рыбке было где прятаться, но тут большая белая шпротина, мы её Козлом прозвали, переключился на шпротину поменьше. И загонял ведь насмерть, через неделю все плавники ей пооткусывал, она плавать стала торчком, в банку отсадили беднягу да поздно: через пару дней всплыла брюхом вверх. Хотели за это козлячью шпротину на вилку поймать в пятницу вечером, а начальство запретило.

Милиционер. Начальства бояться стали? Ошизеть.

Пристав. Такую аморальную разгрузку для коллектива придумал наш новый старшой, бывший танкист – подполковник Люлькин. Вышел на военную пенсию и в юстицию подался старшим приставом по суду. Кинули ему сразу две звезды на погон и заделался пенсионер советником юстиции второго класса. А обещали, кстати говоря, меня старшим назначить, но танкист круче начальству показался. В общем, не по совести, но по закону сработали. И чёрт с ними. Я свое дело знаю, вверх не суюсь, а этот Люлькин ни хрена не понимает в делах, знай, круглосуточно журналы по боевой и политической подготовке заполняет. Когда все заполнит, усадит перед собой первого подвернувшегося под руку пристава и давай его воспитывать, в смысле крыть всяческими словами, да громко, так что всем посетителям в суде слышно. Разойдётся, разорётся, будто на танковом полигоне, а физиономия красным помидором так и рдеет, так и рдеет, оказалось неспроста. Раскусили мы его. Водку с нами в конвойке по пятницам после работы не пил, гнушался, авторитет потерять боялся, а представляешь, среди бела дня хлестал настойку боярышника на спирту. Натурально заскочит в туалет, куда и все посетители ходят, дёрнет там пузырек и обратно в каптёрку – мораль читать, каким он замечательным командир был, а советником юстиции стал еще краше. А мы думаем, откуда боярышником воняет?

Милиционер. Говорят, его уволили?

Пристав. Заложил Витёк Синеус. Написал телегу, что начальник хлещет боярку в рабочее время в общем сортире, как последний... Но всех честно предупредил, что заложит, потому что надоело. Стало быть, хоть не очень по совести, но не совсем, чтобы и против. И как думаешь, кого сделали старшим после того, как Лялькина выпнули?

Милиционер. Думаю, опять не тебя.

Пристав. Правильно мыслишь, юриста второго класса Синеуса. Это уже странности начальствующего состава, я им не судия, наверх не лезу, мне и тут хорошо. Но не совсем.

С женой развёлся, сошелся с новой супружницей. Якорный бабай, под сорок лет вдруг развезло, будто мальчика с одной стопки. Влюбился страшно. Короче, от жены ушел, квартиру свою двухкомнатную разменял на малосемейку, куда жена с ребенком вселилась, и тойоту – камри, бэушную, но в хорошем состоянии для себя. У супружницы тоже сын есть, воспитываю сейчас его, а моего никто не воспитывает, безотцовщиной по улицам орыльничает. Живём в малосемейке супружницы общежитского типа с коридорной системой, куда прежде к ней втихаря бегал. По закону вроде всё правильно совершил и по совести тоже: с нелюбимой женой честно развелся, на любимой любовнице честно женился, сделалась теперь она законной моей супружницей.

Милиционер. Эх, лихой ты мужик, Петров, молодец, уважаю! А я никак решиться не могу, третий год тяну резину.

Пристав. Супружницу в деревню стал возить к её родне с комфортом, а не как раньше на перекладных электричках: приедем в субботу, в баньке помоемся – гулянка начинается. Новая родня водку хлещет, я спокойно пепси из бутылочки потягиваю: “за рулем” – никаких вопросов.

Потом сажу кучу народу в салон, в другую деревню едем, там они опять гуляют, потом в третью... Все довольны – мне почёт и уважение. Хорошо и по закону и по совести.

Недавно родственник к нам сюда нагрязнул в гости. Тут дома уж грех не выпить с шурином на пару. Выпили. Просит прокатить на импортной машине по городу с ветерком, и супружница тоже: покатайтесь вокруг вашего суда: сейчас вечер, никто не увидит. Машина у меня в судейской ограде стояла, улица вокруг тихая. Ладно, шурин человек нормальный, почему не уважить? Идём, садимся, только выезжаю из ворот – бац! Чувствую: вокруг металл с похоронным скрипом рвётся и коробится в гармошку. Грузовика не заметил с пьяных глаз, бок ему подставил, он нас выбросил на тротуар и далее в тополь, тойоте моментальный каюк пришёл, мне ногу зажало, перелом в двух местах, родственник жив - здоров, но пьян как и я, значит виноваты и по закону и по совести. Машину угробил, сам на три месяца в малосемейке на кровать с переломанной ногой улёгся без денежного содержания.

Милиционер. Ё-ка-лэ-мэ-нэ!

Пристав. За три этих месяца, пока безвылазно пребывали в одной комнате, супружница меня тихо возненавидела, и я её тоже. Пасынок косит волчком. Чужой, совсем чужой. Господи, думаю, зачем здесь оказался? Что мне не хватало в прежней жизни? Какая такая любовь? Откуда впендюрилась под ребро? А главное, куда, дрянь бесшабашная, девалась в трудную минуту? Но делать на кровати нечего с переломанной ногой, терпеть надо. А как терпеть, когда все вокруг на нервах? Вот и примешь рюмочку втихаря.

Однажды вечером супружница расскандалилась с соседом в общем коридоре, гулянка у тех трети сутки без перерыва шла, и аж завизжала, будто её тупым ножиком резать начали. Я на костылях вылетаю туда же, душа зашла, не утерпел, врезал соседу гипсом по ноге, аж берцовая кость пополам. Он на полу валяется, орёт, у меня костыли в разные стороны разъехались, – тоже с копыт слетел, от боли зашёлся, жена подвывает – Куликово поле в общем коридоре. На меня дело завели, дальше суд, с работы попросили уволиться за пьяный дебош, а и чёрт с ними, отчислился, сейчас вот иду оттуда, вещички забрал, туфли, а куда иду – ещё толком не знаю. И к супружнице до смерти неохота, и к жене бывшей невозможно, прокляла она меня, когда квартиру разменяли. Под судом состою с подпиской о невыезде. А ведь вроде всё по закону делал, как полагается. Сейчас задним числом соображаю: эх, жил бы да жил с женой, а к этой ходил налево, и было бы у меня как у всех, и обе бы меня любили, и каждая изо всех сил в свою сторону тянула, не знала, чем угодить. Как сыр бы в масле в своём бессовестном беззаконии скользил.

Милиционер. Да, события. Точно, нельзя у нас по совести жить, невозможно, про закон вообще молчу.

Пристав. Кстати, пока на койке в гипсе лежал, представляешь, золотая рыбка выросла в здоровенную золотистую пиранью, жрёт только отварную курятину и гоняет белого козлика день и ночь напропалую. Это по совести или нет? Салага дедом заделался, но уж как тут закон с моралью соотнести – я лично без понятия. Не юрист больше. Как жить – не знаю. По закону? По совести? По любви? Или зажарить всех вечерком в пятницу да слопать на закусон? Чтобы голова не болела?